

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА

1900 РУССКИЕ ШТУРМУЮТ ПЕКИН

ДМИТРИЙ ЯНЧЕВЕЦКИЙ

Дмитрий Янчевецкий

1900. Русские штурмуют Пекин

«Яуза»

2008

Янчевецкий Д.

1900. Русские штурмуют Пекин / Д. Янчевецкий — «Яуза», 2008

1 августа 1900 года русские войска с боем вошли в Пекин. «Мы не знали, что ожидает нас за воротами. Мы не знали, какие силы встретят нас на гигантских стенах Пекина. Но мы знали, что за этими грозными стенами уже два месяца томятся европейцы с женами и детьми, которых нужно во что бы то ни стало освободить, – вспоминал участник похода. – Гром и молния орудий, резкие залпы наших стрелков, беспорядочная стрельба китайцев и грозный рокот русских пулеметов – это был первый штурм Пекина русскими. Ровно в 2 часа пополудни ворота пали...» Теперь этот подвиг почти забыт. Эта война ославлена как якобы «несправедливая» и «захватническая». Эта победа – последний триумф Российской Императорской армии – фактически вычеркнута из народной памяти. Тем ценнее свидетельство ее очевидца – военного журналиста Дмитрия Янчевецкого (кстати, родного брата прославленного исторического романиста В. Яна), – увлекательные воспоминания которого о первом походе русских на Пекин мы публикуем после векового забвения.

© Янчевецкий Д., 2008

© Яуза, 2008

Содержание

«Большая игра»: Россия и иностранные державы в Китае во второй половине XIX века	5
От издателя	19
От автора	21
Первая часть	22
Бал в Порт-Артуре	23
Таку	29
Пэйхо	40
Тяньцзинь	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Янчевецкий

1900. Русские штурмуют Пекин

«Большая игра»: Россия и иностранные державы в Китае во второй половине XIX века

Подобно тому, как в XIX веке Турция оказалась «больным человеком Европы», Китай этого времени можно было назвать «больным человеком Азии». Огромное, многолюдное и богатое государство с тысячелетней историей не без помощи европейских держав оказалось в глубоком упадке. Поражение в трех «опиумных войнах» открыло европейцам пути для экономического проникновения в Поднебесную и обеспечило удобные базы для этого. По Нанкинскому трактату 1842 года Британия получала остров Гонконг, а по Пекинской конвенции 1860 года (завершившей третью опиумную войну) – расположенный рядом полуостров Цзюлун.

Тяньцзиньская конвенция 1858 года разрешала иностранцам свободно ввозить в страну опиум, лишала Китай права самому устанавливать пошлины на ввозимые и вывозимые товары и освобождало иностранных купцов от уплаты внутренних пошлин (при условиях уплаты добавочного 2,5 %-ного тарифа). В результате к 1864 году англичане контролировали 74 % всего китайского экспорта и 85 % китайского импорта (около 16,6 млн фунтов стерлингов) – причем основную массу импорта в Китай составлял опиум¹. Правительство династии Цин несколько раз вынуждено было выплачивать европейцам огромные контрибуции – 21 млн долларов англичанам в 1842 году, по 8 млн лян англичанам и французам в 1860 году.

В опиумных войнах Китай понес огромные убытки, а невозможность установления протекционистских тарифов на ввоз приводила к тому, что китайские товары не могли конкурировать с продукцией европейских мануфактур. В результате огромная страна (по оценке современных исследователей, еще в начале XIX века превосходившая Европу по уровню жизни) неуклонно беднела. Вдобавок две последние войны происходили на фоне гражданской войны с тайпинами – религиозно-политическим движением, совместившим конфуцианство с христианством арианского толка²:

Россия не участвовала в военной агрессии против Китая, однако благодаря ей смогла серьезно улучшить свои позиции на Дальнем Востоке – хотя бы частично отыгравшись таким образом за поражение в Крымской войне. 1 июня 1857 года русский канцлер князь Горчаков предписал послу в Пекине Киселеву сообщить цинским властям, что Россия не сохраняет нейтралитет в конфликте с англичанами и французами и *«не присоединится ни к каким насильственным мерам»* в отношении Китая³. Одновременно в Тяньцзинь прибыл русский посланник адмирал Е. Путятин, предложивший китайскому правительству военную помощь в виде оружия и офицеров-инструкторов. Причем помощь была направлена отнюдь не против повстанцев-тайпинов – в депеше Путятин от 6 июля (24 июня нового стиля) 1857 года ее целью прямо ставилось *«сдерживать стремление к насилиям со стороны других государств»*⁴.

¹ Здесь следует заметить, что еще в мае 1841 года, то есть во время первой опиумной войны, Россия заявила Китаю о решении *«строго запретить всем российским подданным производить явно или тайно торг опиумом в китайские владения»* (цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI в. по 1917 г. – М.: Мысль, 1973. С. 90).

² Вождь тайпинов Хун Сю-Цюань (1814–1864) объявил себя мессией и младшим братом Иисуса Христа; в 1861 году в переписке с английским миссионером Дж. Эткинсом он прямо заявлял о правоте Ария и отрицал решения Никейского Собора 325 года, постулировавшие единственность Троицы.

³ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 97.

⁴ Там же, стр. 98.

Стремясь лавировать между европейскими державами, 8 апреля 1858 года (по новому стилю) император Сянь Фэн⁵ издал эдикт, предписывающий с русскими и американскими представителями обращаться более вежливо, чем с посланниками Англии и Франции. В итоге 13 июня того же года был заключен российско-китайский Тяньцзиньский договор, по которому Россия получала все те права и преимущества, что предоставлялись или могли быть предоставлены в будущем другим государствам. С Северо-Американскими Штатами аналогичный договор был подписан только 18 июня, с Англией – 26-го и с Францией – 27-го. Отдельным пунктом в соглашении шло обязательство императора назначить ответственного сановника, с которым иностранные представители могли бы вести переговоры. Так возникло китайское Главное управление иностранных дел – «Цзунли гэго тун шан шиву ямынь» или сокращенно Цзунли-ямынь, основанное в 1861 году и представлявшее собой коллегия непостоянного состава во главе с «президентом»⁶.

Месяцем раньше соглашения в Тяньцзине, 14 (26) мая 1858 года, в городе Айгунь между генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым (Амурским) и уполномоченным цинского правительства гиринским цзяньцюнем И Шанем был подписан так называемый Айгуньский договор, определявший границу между Китайской и Российской империями. До устья реки Уссури она проходила по течению реки Амур, пространство же по правому берегу Амура от Уссури до моря объявлялось неразграниченным и находящимся в «общем владении» России и Китая. По Амуру, Сунгари и Уссури могли плавать только русские и китайские суда⁷. При этом маньчжурские обитатели левого берега Амура (на юг от устья Зеи) оставались китайскими подданными, сохраняя все свои имущественные права. 2 (14) июня этот договор был ратифицирован императором Сянь Фэном, причем в указе о ратификации отдельно выражалось пожелание, чтобы русские «*употребили усилия усювестить англичан и французов и положить предел их несправедливым требованиям*»⁸.

Миссия генерал-майора графа Н. П. Игнатьева с оружием и военными советниками отбыла в Китай в марте 1859 года. Однако к моменту прибытия Игнатьева в Пекин расположение цинского правительства к России резко охладело. Дело в том, что 25 июня 1859 года у фортов Дагу китайцы одержали серьезную победу над эскадрой английского адмирала Хоупа (8 фрегатов, корветов и транспортов, 2 больших и 9 малых канонерок), пытавшейся силой пройти по реке Бейхэ в Тяньцзинь в качестве «посольского конвоя».

20 июня китайцы предложили «дипломатической миссии» пройти до Тяньцзина сухопутным путем, после чего руководившие экспедицией английский и французский посланники Брюс и де Бурбулон предложили Хоупу прорваться в устье Бейхэ силой, «*полагая, по примеру прошлой войны, что достаточно будет одного обстрела фортов для открытия входа в реку*»⁹.

⁵ Это не собственное имя, а девиз правления императора (с 1850 по 1862 год) – «Всеобщее изобилие». Настоящее имя императора было И Чжу.

⁶ С 1861 по 1884 год им был упомянутый ниже принц Гун (настоящее имя И Синь, 1832–1898), сын правившего с 1821 по 1851 год императора Дао Гуана, сменивший затем своим братом принцем Чунем (настоящее имя И Хуань, 1842–1890) – отцом правившего с 1875 по 1908 год императора Гуань Сюя и дедом последнего китайского императора Пу И. С 1891 года этот пост вновь занял принц Гун. Подробнее см.: *Ефимов Г.* Внешняя политика Китая. 1894–1899 гг. – М.: Гос. издат. политической литературы, 1958. С. 32–33; *Пу И.* Первая половина моей жизни. – М.: Прогресс, 1968. – С. 15–19. Следует отметить, что видный советский китаист В. Я. Сидихменов ошибочно называет Чуня отцом Пу И (см.: *Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. – М.: Наука, 1978. – С. 238).

⁷ Для контроля над устьем Амура и воспрепятствования проникновению в реку судов других европейских держав еще в 1850 году капитаном 1-го ранга Г. И. Невельским здесь был основан Николаевский пост, впоследствии – Николаевск-на-Амуре.

⁸ *Прохоров А.* К вопросу о советско-китайской границе. – М.: Международные отношения, 1975. – С. 118.

⁹ *Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е.* Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. – М.: АСТ, 2002. – С. 213.

Для штурма фортов было выделено 2 больших и 9 малых английских канонерок и французское посыльное судно, а также около 1300 человек десанта (86 французов и 1200 англичан, примерно поровну матросов и морских пехотинцев), посаженных на большое количество китайских джонок. Однако *«выстрелы китайцев отличались замечательной меткостью, которой вовсе нельзя было ожидать от них»*¹⁰, в результате артиллерийским огнем было потоплено 5 канонерок, две из них позднее удалось поднять). Высаженный на фортах десант понес значительные потери и с началом темноты эвакуировался. Всего потери союзников составили 464 человека (в основном англичан) – почти половину высаженных сил; значительная доля приходилась на убитых, поскольку из-за начавшегося прилива *«многие раненые, лежавшие на отмели, утонули раньше, чем их успели убрать»*¹¹.

Это событие нанесло сильный удар в первую очередь по престижу французов (только что потерпевших поражение во Вьетнаме и вынужденных оставить Сайгон) и положило начало так называемой третьей опиумной войне. В результате в цинском правительстве на время возобладали сторонники жесткого сопротивления европейским державам, и интерес к сотрудничеству с Россией серьезно понизился. Китайские власти даже сделали попытку дезавуировать Айгунский договор в части статуса правого берега Амура ниже устья Уссури.

Однако тем временем Англия и Франция направили в Китай экспедиционные войска: англичане – корпус под командованием генерала Хоупа Гранта в составе двух пехотных дивизий и кавалерийской бригады (12 290 человек), французы – корпус под командованием дивизионного генерала Кузена де Монтана в составе двух пехотных бригад и батальона матросов (7650 человек).

Эти силы поддерживались двумя парусными линкорами (английским и французским), 7 парусными и 10 паровыми фрегатами (5 винтовых и 5 колесных), 9 паровыми корветами, большим количеством авизо, канонерок, транспортов и вспомогательных судов (72 английских и 57 французских). Кроме того, для обеспечения экспедиционных войск союзниками было зафрахтовано 216 коммерческих судов¹². Британской эскадрой командовал все тот же вице-адмирал Хоуп, французской – вице-адмирал Шарнэ.

9 марта 1860 года китайскому правительству был передан англо-французский ультиматум с требованием немедленно ратифицировать Тяньцзиньский договор, принести извинения за инцидент в устье Бейхэ и выплатить соответствующую компенсацию. 7 апреля (за два дня до истечения срока) ультиматум был отвергнут китайцами, после чего 22 апреля союзные войска высадились на островах Чжоушань. В июне французы заняли Чифу, а англичане бухту Даляньхуан (будущий порт Дальний), превратив их в свои маневренные базы.

Россия не была заинтересована в том, чтобы англичане и французы заняли Пекин (что являлось конечной целью экспедиции), поэтому граф Игнатъев, поддерживая контакты и с союзниками, и с цинским правительством, стремился выступать посредником между ними – первым он рекомендовал умерить требования, а китайскому правительству – пойти на уступки, не доводя дело до кровопролития. Одновременно Игнатъев исподволь вел пропаганду среди китайских купцов, объясняя им, что англичане стремятся захватить всю китайскую торговлю в свои руки.

28 июля объединенный англо-французский флот и транспорты с войсками бросили якорь в бухте Шэлюйтян, в 17 километрах от Бэйцана, где 1 августа началась высадка экспедиционной армии. На следующий день, после незначительного боя, Бэйцан был взят. 12 августа союзники начали сухопутное наступление на устье Бейхэ и защищавшие его форты. 16 августа были заняты укрепления Тангу на левом берегу, 18 августа союзники переправились через Бейхэ, а

¹⁰ Там же. С. 215.

¹¹ Там же. С. 217.

¹² Там же. С. 219–227.

22 августа после кровопролитного сражения – форты Таку; при этом потери англо-французов составили 57 убитых и 243 раненых, потери китайцев оценивались союзниками в 2000 убитых и раненых.

23 августа поднявшаяся вверх по реке эскадра Хоупа без боя достигла Тяньцзиня, занятого английскими сухопутными войсками через два дня. С 31 августа по 7 сентября здесь велись переговоры с китайскими представителями, которые ни к чему не привели – китайцы лишь тянули время в ожидании зимы. 9 сентября союзники возобновили наступление. После того союзники нанесли поражение китайской армии в сражениях у деревни Чжанцзявань 18 сентября и у города Балицяо 21 сентября, император Сянь Фэн покинул Пекин и удалился в город Жэхэ. Вместо него в столице остался принц Гун.

5 октября, подтянув тылы, союзники начали наступление непосредственно на Пекин. На следующий день ими был занят и без всякого стеснения разграблен дворец Юань-Мин-Юань – летняя резиденция императора. Генералы Грант и Монтабан, подобно вождям карибских пиратов XVII века, лично делили захваченную здесь добычу «между обеими нациями поровну»¹³.

13 октября, после ультиматума союзников, китайцы без боя сдали ворота Аньтин, после чего союзники заняли северную часть Пекина. Цинские сановники явились в русское православное подворье, где в этот момент находился генерал Игнатъев, и обратились к нему с просьбой обеспечить переговоры с союзниками. Игнатъев согласился на посредничество – при условии, что к нему обратится лично принц Гун.

При этом китайцам ставились довольно жесткие требования: от Гуна требовалось не только письменное подтверждение согласия Китая с Айгуньским договором, но и обязательство провести дальнейшее разграничение русских и китайских территорий от Уссури до Кореи, а также устроить российские консульства в Кашгаре, Урге и Цицикаре.

18 октября Игнатъеву было доставлено письменное согласие Гуна на все русские условия, сопровождавшееся просьбой взять на себя переговоры с союзниками. На следующий день Игнатъев сообщил англо-французскому командованию, что все условия союзников приняты.

22 октября требуемая контрибуция была выплачена, а принц Гун согласился на встречу с английским эмиссаром лордом Элджином – получив гарантии Игнатъева, что англичане не попытаются захватить его в плен.

24 и 25 октября в Пекине были подписаны англо-китайская и франко-китайская конвенции, в целом повторявшие договор 1858 года. Дополнительно по нему Китай выплачивал контрибуцию в 16 млн лян, а Англия получала примыкающий к Гонконгу полуостров Цзюлун на материке.

1 ноября Пекин покинули английские, а 7 ноября – французские войска. Наступил черед России пожинать плоды последней опиумной войны, оказавшиеся самыми богатыми. 2 (14) октября 1860 года был подписан русско-китайский Пекинский договор, по которому к России отходил весь Уссурийский край. Приамурье и Приморье «на вечные времена» объявлялись владениями России.

Однако новые территории требовалось не только осваивать, но и оборонять – причем в первую очередь с моря. Поэтому еще до подписания Пекинского договора, 12 апреля 1860 года, отрядом моряков с транспорта «Японец» был основан Новгородский порт в заливе Посьет, а 20 июня экипажем транспорта «Манджур» – порт Владивосток. В 1871 году сюда из Николаевска-на-Амуре была перенесена главная база русского флота на Тихом океане.

К сожалению, Владивостокский порт замерзал в среднем на 110 дней в году, поэтому русское морское командование не переставало искать более удобный, незамерзающий порт на Дальнем Востоке. В начале 1861 года командующий русской эскадрой в водах Тихого океана

¹³ Там же. С. 321.

капитан 1-го ранга Лихачев направил корвет «Посадник» к принадлежащим Японии островам Цусима, где экипаж корвета, договорившись с местным князем, основал временную базу. Однако после демарша центрального японского правительства, подвергнувшегося давлению со стороны Англии, в октябре того же года базу пришлось ликвидировать. Русские суда вынуждены были зимовать в японских портах Хакодате, Симода и Нагасаки, открытых для них по Симодскому трактату 1855 года.

К 1869 году в Приамурье уже имелось 67 казачьих станиц, в которых проживало 13 200 жителей, и 41 крестьянское селение с 9435 жителями; город Благовещенск на этот момент насчитывал 3344 жителя. В Приморье имелось 88 селений с 19 361 жителем – не считая коренного населения и китайцев¹⁴. Однако экономическое развитие этого региона тормозилось отсутствием надежной связи с Центральной Россией. Дальний Восток, как и Аляска чуть ранее, не только не приносил государству устойчивой прибыли, но и требовал постоянных вложений, а также сил и средств для его обороны. Лишь в 1880-х годах сюда были организованы регулярные рейсы судов Добровольного флота, и только в 1891 году принято решение о строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали к востоку от Челябинска. Увы, если первоначально стоимость строительства оценивалась в 350 млн рублей, то к его окончанию она уже перевалила за миллиард.

Тем временем на международной арене появился новый империалистический хищник – Япония, чьи аппетиты были в первую очередь направлены на Китай. В 1872 году Япония захватила острова Рюкю, ранее находившиеся в вассальной зависимости как от Японии, так и от Китая. В 1874 году Япония совместно с Северо-Американскими Штатами предприняла военную экспедицию на Тайвань, но противодействие Англии заставило японские войска покинуть остров. В течение 1870—80-х годов продолжалось проникновение японцев в Корею, которую Китай считал своим протекторатом; оно привело к заключению в 1885 году Тяньцзиньской конвенции, по которой как Япония, так и Китай обязались не держать свои войска в Корее в мирное время.

В Корее столкнулись интересы трех держав – России, Китая и Японии, причем за спиной последней стояла Англия, любой ценой стремившаяся предотвратить усиление России на Дальнем Востоке. В результате без последствий осталась просьба короля Ко Чжона о русском протекторате над Кореей, ни к чему не привела и пророссийская деятельность китайского (!) советника барона Пауля Георга фон Меллендорфа (1847–1901), бывшего германского вице-консула в Тяньцзине, с 1882 по 1885 год под именем Мок Ин Док занимавшего ряд важных постов при корейском правительстве, в том числе и должность заместителя министра иностранных дел (биография этого замечательного человека достойна отдельного авантюрного романа)¹⁵.

Из-за англо-японского противодействия России так и не удалось занять незамерзающую бухту Сончжонмань (Порт-Лазарев) в Корейском заливе, о приобретении которой велись переговоры с корейским правительством. С другой стороны, России удалось не допустить согласия корейского правительства на передачу Англии в качестве военно-морской базы бухты Гамильтон (на островах Комуьндо), захваченной англичанами в апреле 1885 года. В феврале 1887 года англичанам удалось окончательно эвакуировать порт Гамильтон. В итоге интерес России к Корее снизился, и все внимание вновь было обращено на Китай, который рассматривался как ключ в том числе и к Корее.

¹⁴ Морской атлас. Т. III. Описания к картам. Ч. I. Изд. Главного штаба Военно-Морского флота, 1959. С. 643.

¹⁵ Подробнее о деятельности фон Меллендорфа см.: *Симбирцева Т.М.* «Загадочный» барон фон Меллендорф и его «про-русская» деятельность в Корее (1882–1885) // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар. 2001. – СПб.: Восточный факультет СПбГУ; Фонд восточных культур, 2002. – С. 25–44.

После 1885 года Корея на некоторое время освободилась от иностранного влияния, однако вспыхнувшее в начале 1894 года крестьянское восстание, поднятое националистической сектой Тонхак («Восточное учение»), привело к новому вводу в страну китайских и японских войск. Первые вошли сюда по просьбе корейского правительства, а вторые – согласно Тяньцзиньской конвенции «для защиты японских граждан».

23 июля японцы устроили в Сеуле военный переворот, арестовав королеву Мин и создав новое правительство. В ответ на это китайцы направили из Таку в залив Асан южнее Сеула для подкрепления уже находящимся здесь войскам (2200 человек) три зафрахтованных парохода с войсками (два английских и один немецкий). Два парохода благополучно достигли Асана, однако третий, английский «Коушинг»¹⁶, на котором находилось 1200 китайских солдат, был перехвачен и потоплен японским крейсером «Нанива». При этом спаслось лишь 170 человек – в большинстве своем английские моряки из экипажа во главе с капитаном¹⁷.

Изложение хода этой войны не входит в нашу задачу; достаточно сказать, что Китай потерпел сокрушительное поражение как на суше, так и на море. Согласно подписанному 17 апреля 1895 года Симоносекскому миру, Япония получала Тайвань и острова Пэнхуледао (Пескадорские), а также Ляодунский полуостров с новой военно-морской базой Порт-Артур (названной так по имени одного из проектировавших ее французских инженеров). Кроме того, Китай признавал независимость Кореи и обязался выплатить огромную контрибуцию в 200 млн лян (около 400 млн рублей серебром). Половину этой суммы Китай должен был выплатить в течение года, а остальную часть – с рассрочкой в шесть лет, причем отсрочка выплаты контрибуции предоставлялась лишь под 5 % годовых.

Однако еще 23 мая представители Англии, Франции и Германии сделали в Токио заявление о том, что Японии следует отказаться от Ляодунского полуострова, дабы не ставить под угрозу независимость Кореи. В итоге 8 мая японское правительство объявило, что отказывается от Порт-Артура, но в дальнейшем выторговало за это с Китая дополнительную контрибуцию в 30 млн лян. Чуть позже японцы пообещали вывести свои войска из Кореи, где вновь усилилась антияпонская группировка королевы Мин, а в правительство были назначены про-российски настроенные сановники Ли Бом Чжин и Ли Ван Ен.

Однако 8 октября японские солдаты ворвались в королевский дворец в Сеуле и зверски убили королеву Мин (а для верности – еще нескольких попавшихся им женщин). Король Ко Чжон фактически оказался под домашним арестом, однако 11 февраля 1896 года ему удалось бежать из дворца и укрыться в русском посольстве, куда вслед за королем перебралась и антияпонская часть корейского правительства. Остальные министры были объявлены изменниками и приговорены к смертной казни. Однако ни Россия, ни Япония не проявили желание обострять отношения, и в итоге был достигнут компромисс – соглашением от 14 мая между русским и японским послами в Сеуле устанавливалось, что японцы имеют право держать в Корее стражу, не превышающую четырех рот; Россия получала право держать здесь такой же контингент. Японцы признавали министров, назначенных Ко Чжоном. Позднее Япония и Россия секретно условились не посылать войска в Корею без предварительного уведомления противоположной стороны. Русское правительство получало концессию на лесоразработки в бассейне реки Ялу, отделяющей Корею от Китая.

Тем временем 6 июля 1895 года Россия заключила договор о предоставлении Китаю займа на сумму 400 млн франков золотом, в котором участвовали французские банки («Лионский кредит» и др.). В конце 1895 года был создан Русско-Китайский банк (в котором свыше половины капитала принадлежало французским банкирам)¹⁸, его устав обеспечивал России

¹⁶ В другой транскрипции – «Гао Шэн».

¹⁷ Нозиков Н. Японо-китайская война 1894–1895 гг. – М.: Воениздат, 1939. – С. 25–26.

¹⁸ Это был не единственный случай закамouflированного проникновения французского капитала в Китай – например,

право на приобретение концессий для строительства в северных районах Китая железных дорог и телефонных линий.

Стремясь упрочить свое влияние в Маньчжурии, Россия предложила Китаю заключить союз, направленный против возможного нападения Японии. В это время в китайской элите доминировало пророссийское лобби, поддерживавшееся всесильным наместником столичной Чжилийской провинции Ли Хунчжаном и вдовствующей императрицей Цы Си¹⁹, ставшей наложницей императора Сянь Фэна, фактически являвшейся регентшей при императорах Тун Чжи²⁰ («Совместное правление»²¹, 1862–1875) и Гуань Сюе²² («Блестящее наследие», 1875–1908).

3 июня 1896 года в Петербурге Ли Хунчжан подписал с Николаем II русско-китайский секретный договор, предусматривавший военный союз России и Китая против Японии, согласие Китая на постройку Русско-Китайским банком железной дороги через Маньчжурию к Владивостоку, право России пользоваться в случае военной необходимости китайскими портами и т. д.

8 сентября того же года китайское правительство подписало с Русско-Китайским банком контракт, по которому для сооружения железнодорожного пути через Маньчжурию создавалось Общество Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Для строительства обществу в полное и безраздельное управление выделялась полоса земли, которая фактически становилась собственностью России. Доходы дороги, как и транзит по ней, не подлежали обложению китайскими пошлинами, а таможенные пошлины на провоз по ней товаров в Китай снижались на треть. Таким образом, фактически делался шаг к превращению северо-восточного Китая в российский протекторат.

Ситуация осложнялась тем, что Россия не имела свободных финансовых средств – в 1893 году она сама получила огромный заем от Франции. Поэтому экономическое воздействие России на Китай было затруднено, в отличие от других европейских держав оно было в основном военно-политическим. Фактически Россия не имела сил и средств для закрепления уже завоеванных позиций и даже для освоения вновь присоединенных территорий, именно поэтому ее политика на Дальнем Востоке вплоть до второй половины 1890-х годов выглядела столь миролюбивой и склонной к компромиссам. Однако выяснилось, что добрым словом и револьвером можно достичь гораздо больше, чем одним револьвером...

Тем временем в Китае начала усиливать свои позиции Германия. В 1887 году бременский и франкфуртский банки предоставили Китаю заем в 5 тысяч марок; два года спустя был основан немецкий Восточно-Азиатский банк, открывший свои отделения во всех крупных портах Китая. В марте 1896 года германский Восточно-Азиатский и английский Гонконг-Шанхайский банки предоставили Китаю заем в 16 млн фунтов стерлингов под 5 % годовых. Постепенно Германия сделалась одним из основных поставщиков в Китай современного вооружения – в первую очередь стрелкового оружия и артиллерии. Основная масса китайского флота в этот период строилась на немецких верфях.

В феврале 1897 года германский посланник в Китае Гейкинг предложил Цзунлиямыню уступить Германии острова на входе в Тайваньский пролив для создания там военно-мор-

бельгийский финансовый синдикат, давший Китаю заем в 4,5 млн фунтов стерлингов на строительство железной дороги Пекин–Ханькоу, на 80 % принадлежал французским банкам. До выплаты займа дорога должна была находиться под управлением синдиката, получавшего 20 % прибыли от нее.

¹⁹ На самом деле это не имя, а почетный титул («Счастливая мать»); ее китайским именем было Налаши, а маньчжурским – Ехе Нара. Законная жена императора Сянь Фэна (умершая в 1881 году) была бездетна и поэтому не могла иметь исключительных прав на регентство.

²⁰ Настоящее имя – Цзай Чунь. Он был единственным сыном императора Сянь Фэна, именно поэтому его мать Цы Си смогла получить ранг императрицы

²¹ Имеется в виду совместное правление двух вдовствующих императриц.

²² Настоящее имя – Цзай Тянь, он был сыном сестры Цы Си и князя Чуня и двоюродным братом предыдущего императора.

ской базы. Взамен Китаю предлагалось согласие на повышение таможенного тарифа. Китайские власти дали отказ, после чего немцы обратили внимание на бухту Цзяочжоу (Киао-Чао) на юго-восточной оконечности полуострова Шаньдун. Об этой бухте еще 19 февраля 1897 года глава китайского внешнеполитического ведомства принц Гун писал своему императору: *«Гавань морского порта Цзяочжоу широка и глубока, там можно помещать крупнейшие корабли, а выход узкий – легко охранять. Оба берега входа окружены горами. Враги не могут подойти. Климат теплый, зимой вода не замерзает. Это место самое подходящее для стоянки флота»*²³.

Сложность ситуации заключалась в том, что еще в ноябре 1895 года Россия получила от Китая разрешение использовать бухту Цзяочжоу для зимней стоянки военных судов. На практике бухта для этой цели так и не использовалась (за исключением захода сюда нескольких русских кораблей зимой 1895/96 года), однако Германия дала понять России, что поддержит ее требования компенсации в каком-либо другом месте.

1 ноября 1897 года близ городка Цзюй-е в провинции Шаньдун разбойниками были ограблены и убиты два немецких католических миссионера. Германия не преминула воспользоваться этим случаем – ведь *«весь немецкий католический мир, в особенности партия Центра, требовал энергичных мер»*, меж тем как *«в политическом отношении почва была подготовлена»*²⁴.

6 ноября Вильгельм II приказал командующему немецкой эскадрой в китайских водах адмиралу Дидерихсу выйти в Цзяочжоу, а на следующий день сообщил Николаю II о своем решении «наказать китайцев». 14 ноября эскадра Дидерихса вошла в бухту Цзяочжоу и высадила здесь десант, причем китайские войска не оказали никакого сопротивления.

20 ноября правительство кайзера предъявило Китаю шесть требований, в том числе требование о предоставлении немцам исключительных прав на постройку железных дорог и разработку минеральных богатств в провинции Шаньдун, а также о возмещении расходов на оккупацию Цзяочжоу в сумме 1 млн лян.

Не получив ожидаемой поддержки со стороны европейских держав (в первую очередь России, к которой еще 14 ноября Ли Хун-чжан обратился за помощью²⁵), китайское правительство было вынуждено принять германские требования.

Активность Германии в Китае побудила российское правительство к аналогичным действиям – тем более что кайзер Вильгельм II, предвидя противодействие англичан, в письмах к Николаю II сам предлагал русскому императору координацию действий на Дальнем Востоке.

23 (11) ноября 1897 года российский министр иностранных дел Муравьев представил императору «всепопданнейшую записку», в которой предложил, в противовес Германии, приступить к занятию бухты Даляньван (Талиенван) на Ляодунском полуострове. Государь начертал на записке резолюцию: «Вполне справедливо».

Витте был против насильственной акции, его поддержал и морской министр адмирал Тыртов, рассчитывавший на возможность приобретения незамерзающего порта в Корее. Однако сведения о появлении в Порт-Артуре английского крейсера и о подготовке англичан к интервенции на Ляодун, а также обращение Ли Хун-чжана к России за гарантией нового займа изменили положение. Убедившись, что китайские власти пребывают в полной панике и не имеют ни сил, ни желаний противодействовать русской акции, Витте согласился с планом Муравьева.

²³ Цит. по: *Ефимов Г.* Внешняя политика Китая. 1894–1899 гг. – М.: Гос. издат. политической литературы, 1958. – С. 211.

²⁴ Цит. по: *Вильгельм II.* Мемуары. – М.-Пг., 1923. – С. 33.

²⁵ Этот отказ мотивировался тем, что китайское правительство не выразило никакого официального протеста, а китайские войска не оказали сопротивления немцам.

14 декабря 1897 года корабли базировавшейся в Японии русской эскадры вошли в Порт-Артур и Даляньван, причем посол в Пекине Павлов просил содействия принца Гуна в организации дружеского приема российских судов. 18 декабря на берег были высажены русские войска, занявшие Артур и Далянь.

Ситуация разрешилась весной 1898 года. 6 марта был подписан договор, предоставлявший Германии в аренду на 99 лет побережье бухты Цзяочжоувань с портом Циндао и территории радиусом в 50 км от него для создания военно-морской базы. Германия получала право на постройку и эксплуатацию железных дорог в Шаньдуне от Цзяочжоу до Цзинаня, а также на владение шахтами и рудниками в этом районе, фактически обозначившее немецкую сферу влияния в Китае.

27 марта был подписан русско-китайский договор об аренде на 25 лет Порт-Артура и Даляня (Дальнего) и о праве России на постройку южной ветви КВЖД (Южно-Маньчжурской железной дороги) к Порт-Артуру и Дальнему. Маньчжурия окончательно делалась сферой влияния России.

Воспользовалась ситуацией и Англия, сумевшая добиться от Китая новых уступок. В феврале 1898 года между Китаем и Англией состоялся обмен нотами относительно области реки Янцзы. В итоге этот богатейший район Китая фактически был признан сферой интересов Англии. 1 марта английский Гонконг-Шанхайский и Германо-Азиатский банки предоставили Китаю очередной заем на 16 млн фунтов стерлингов. Наконец, 30 мая 1898 года Англия заняла бухту и военный порт Вэй-хай-вэй на северо-восточной оконечности полуострова Шаньдун, предварительно достигнув с Германией соглашения о признании немецких прав на остальной территории Шаньдуна.

1 июля было подписано соглашение об аренде Англией Вэй-хай-вэй *«на тот срок, пока Порт-Артур будет находиться во владении России»*, то есть на 25 лет²⁶. Англо-китайское соглашение от 9 июня 1898 года предусматривало аренду Англией полуострова Цзюлун сроком на 99 лет и расширение территории Гонконга за счет близлежащих островов до 405 кв. миль.

Наконец, удалось поживиться и Франции – в конце мая 1898 года она добилась аренды на юге Китая бухты Гуанчжоувань и лежащего перед ней острова Дунхайдао сроком на 99 лет для создания здесь военно-морской базы, а также права постройки железной дороги от Тонкина на северо-запад (до города Юньнань) и на северо-восток (до Лунчжоу). Обязательство Китая не отчуждать пограничные с Тонкином территории третьим державам фактически оформляло французскую сферу влияния на юге Китая.

Сравнительно немногого в этой ситуации удалось добиться Японии – она была вынуждена довольствоваться лишь полученным летом 1898 года согласием Китая на неотчуждение без ведома Японии провинции Фуцзянь, лежащей напротив Тайваня. В том же году Япония получила право на горнопромышленные концессии в Корее и на строительство железной дороги Сеул – Пусан.

Меньше всего получили Северо-Американские Штаты, как раз в этот момент занятые оккупацией Филиппинских островов: им лишь удалось 14 апреля 1898 года подписать контракт на постройку железной дороги от Гуанчжоу (Кантон) до Ханькоу на реке Хуанхэ. Впрочем, даже эта дорога была завершена лишь к середине 1930-х годов.

В 1899 году американцы предприняли попытку овладеть гаванью Динхай на острове Чжоушаньдао, являвшейся выгодным пунктом на подходе к Шанхаю, чтобы создать здесь военно-морскую базу. Однако Шанхай входил в сферу влияния Англии, которая не могла потерпеть здесь конкурента. На следующий год Штаты пытались добиться приобретения военно-морской базы в провинции Фуцзянь, но на этот раз натолкнулись на противодействие Японии.

²⁶ Ефимов Г. Внешняя политика Китая. С. 275.

Опоздав к разделу сфер влияния в Китае, американцы вспомнили о принципах справедливости и свободной торговли. 6 сентября 1899-го была опубликована нота государственного секретаря США Хэя, провозглашавшая доктрину «открытых дверей и равных возможностей». Европейские державы и Япония признали политику «открытых дверей» со скрипом и с большими оговорками; Россия, не имевшая экономических возможностей для конкуренции с другими великими державами, дала уклончивый ответ. В 1900 году, в период «Боксерского восстания», Соединенные Штаты призвали соблюдать принцип территориальной целостности Китая, поскольку он облегчал им конкуренцию с обладателями собственных сфер влияний.

Попытку приобрести морскую базу в Китае (на побережье провинции Чжэцзян) приняла в 1899 году даже Италия, пославшая в китайские воды эскадру. Однако престиж Италии после поражения в войне с Эфиопией был крайне низок, поэтому ничем не подкрепленные притязания итальянцев смогло отвергнуть даже китайское правительство.

Таким образом, к концу XIX века Китай был поделен на сферы влияния крупнейших империалистических держав. Сфера влияния Франции охватывала южные провинции Юньнань, Гуанси, Гуандун и остров Хайнань; Англии – район реки Янцзы и ее притоков; Германии – Шаньдун; России – Маньчжурию и районы севернее Великой Китайской стены; Японии – провинцию Фуцзянь (в ее сферу влияния фактически входила и Корея).

Экономика Китая находилась под сильнейшим влиянием иностранного капитала. С 1894 по 1898 год Китай получил семь иностранных займов на общую сумму 54 млн фунтов стерлингов. Одним из важнейших средств подчинения китайской экономики иностранным державам было строительство железных дорог и капиталовложения в разработку крупных месторождений полезных ископаемых, в гораздо меньшей степени – строительство мануфактур. В общей сложности Англия получила право на строительство железных дорог протяженностью 2800 км, Россия – 1530 км, Германия – 720 км, Бельгия – 650 км, Франция – 420 км, США – 300 км.

Проникновение иностранного влияния, подчинение страны заморским державам и продолжающееся обнищание населения вызвали недовольство у китайцев из всех социальных слоев. Голод и стихийные бедствия 1898 года вызвали восстания крестьянства и бедноты в ряде провинций Китая: в Аньхой, Цзянси, Сычуань и других.

Зачинщиками и организаторами выступлений были многочисленные тайные общества, весьма традиционные для Китая. Наиболее массовым из них являлось общество «Ихэцюань», что значит «Кулак, поднятый во имя мира и справедливости»; в 1899 году оно получило название «Ихэтуань» («Отряды мира и справедливости»). Основную массу участников этого движения составляли разорившиеся крестьяне, ремесленники, низы образованного слоя («шеньши»). Наибольшее влияние оно приобрело в северных и северо-восточных районах Китая, особенно в Шаньдуне, где в 1898 году произошли первые антинемецкие выступления.

В марте 1899 года германские войска оккупировали город Ичжоу в Шаньдуне, что вызвало возмущение китайцев по всей стране. Назначенный в декабре 1899 года губернатором Шаньдуна сановник Юань Шикай (бывший китайский представитель в Корее) совместно с германской карательной экспедицией организовал расправы над повстанцами. Однако движение не прекратилось – более того, с октября 1898 по май 1900 года оно выплеснулось за пределы Шаньдуна, охватив провинцию Чжили, а к сентябрю 1901 года – провинцию Шаньси и значительную часть Маньчжурии. Центром восстания стал район Пекин – Баодин – Тяньцзинь.

В мае 1900 года повстанцы разрушили принадлежавшую Германии железную дорогу около Баодина, что послужило толчком ко всеобщему восстанию. Многочисленные отряды повстанцев стали стягиваться к Пекину и Тяньцзиню и 14 июня при поддержке перешедших на их сторону правительственных войск заняли Пекин.

Иностранные послы потребовали от китайского правительства решительной борьбы с повстанцами. Под предлогом охраны дипломатических миссий в Тяньцзине были высажены

войска европейских государств, 10 июня отсюда на Пекин выступил объединенный двухтысячный отряд под командованием английского адмирала Сеймура. Встретив сопротивление повстанцев, отряд Сеймура не достиг Пекина и 26 июня отступил обратно в Тяньцзинь, где в течение некоторого времени был вынужден выдерживать осаду в строениях китайского арсенала.

Тем временем у фортов Таку собралась интернациональная англо-франко-русско-японо-германская эскадра. 16 июня командующему укреплениями был предъявлен ультиматум с требованием о сдаче. На следующий день после отказа китайцев от капитуляции союзники атаковали форты, которые были захвачены после длительной бомбардировки и штурма.

20 июня императрица Цы Си, вопреки позиции части сановников, подписала эдикт, объявляющий войну всем иностранным державам, участвовавшим в интервенции. С повстанцами-ихэтуанями было установлено перемирие. В тот же день в Пекине был убит германский посланник фон Кеттелер, вопреки предупреждениям китайских властей покинувший посольский квартал. Иностранным посольствам было предложено покинуть Пекин, но они отказались выполнить это требование. Началась почти двухмесячная осада посольского квартала в Пекине.

14 июля объединенный отряд иностранных держав занял Тяньцзинь. Тем временем начались боевые действия на границе Маньчжурии и России, повстанческие отряды и подразделения регулярной китайской армии атаковали КВЖД и попытались переправиться через Амур. Одновременно в Шанхае высадились английские, а вслед за ними французские и немецкие войска.

6 августа 1900 года началось наступление на Пекин объединенной армии пяти держав, насчитывавшей в общей сложности 19 000 солдат, из них 8 тысяч японских, 5 тысяч русских, 3 тысячи английских (индийских), 2 тысячи американских и 800 французских (аннамитские стрелки). Кроме того, в кампании приняли участие символические контингенты от Италии и Австро-Венгрии – по 50 человек. Германские войска, несмотря на страстное желание кайзера, не смогли принять участие в этом походе – они были скованы операциями в Шаньдуне, а отправленное 27 июля из рейха семитысячное подкрепление еще не успело прибыть.

14 августа союзная армия вошла в Пекин и сняла осаду с посольского квартала. Еще 7 августа китайское правительство, бежавшее в Сиань, обратилось к правительствам иностранных держав с просьбой о мире. 6 сентября императрица Цы Си издала указ, возлагавший всю ответственность за события на повстанцев-ихэтуаней. Императорские войска получили приказ совместно с войсками интервентов подавить народное восстание.

27 сентября в Пекин прибыл германский фельдмаршал Вальдерзее, назначенный кайзером командующим всеми немецкими войсками в Китае. Судя по всему, фельдмаршал не отличался большим умом – он сразу же потребовал себе поста главнокомандующего объединенными союзными силами как представитель наиболее «пострадавшей» державы. Представители остальных стран с радостью согласились передать немцу всю грязную работу по руководству карательными экспедициями. В этом Вальдерзее преуспел – между 12 декабря 1900-го и концом апреля 1901 года им было организовано 45 экспедиций, в 35 из которых участвовали только немецкие солдаты.

Россия, формально находящаяся с Китаем в союзнических отношениях, предпочла уклониться от участия в этих акциях. Русские войска покинули Пекин вскоре после захвата китайской столицы интервентами, еще до прибытия сюда Вальдерзее. Позднее Россия настаивала на выводе иностранных войск из Китая – но в то же время ее войска продолжали оккупировать Маньчжурию, что обостряло противоречия между Россией и другими державами. Вдобавок в октябре – ноябре 1900 года русские войска без противодействия китайцев заняли строящийся на английские деньги порт Нючжуан и участок железной дороги Шанхайгуань– Пекин, а также всю южную Маньчжурию до границы провинции Чжили. Идя еще дальше, командующий При-

амурским военным округом генерал Гродеков предлагал не возвращать Китаю правый берег Амура, ибо *«китайцы очень скоро войдут в силу, будут в состоянии со своего берега разгромить наши поселения и сделают для нас невозможным всякое сообщение по названной реке»*²⁷.

Лишь 7 сентября 1901 года китайское правительство подписало так называемый «Заключительный протокол», предусматривавший уплату Китаем контрибуции в 450 млн лян (а с процентами до 1940 года – 980 млн лян, или 15 млрд рублей золотом), уничтожение укреплений Дагу, запрещение на два года ввоза оружия в Китай и предоставление иностранным государствам права держать войска для постоянной охраны посольств.

8 апреля 1902 года наконец-то было подписано русско-китайское соглашение о выводе русских войск из Маньчжурии. По нему Россия обязалась вернуть Китаю железную дорогу Шанхайгуань – Инкоу – Синьминьтун, а Китай в свою очередь не должен был *«приглашать другие державы участвовать в охране, постройке и эксплуатации»* дороги и позволять *«иностраным державам занимать возвращаемую русскими территорию»*. Россия должна была в течение шести месяцев вывести свои войска из юго-западной части Мукденской провинции, в следующие шесть месяцев – из остальной части Мукденской провинции, а еще в следующие шесть месяцев (то есть с 8 апреля по 8 октября 1903 года) – все войска из провинции Хэйлуцзян, *«буде не возникнет смут, и образ действий других держав тому не воспрепятствует»*²⁸.

Однако 18 апреля 1903 года китайскому правительству были предъявлены дополнительные условия выполнения Россией соглашения – не допускать экономической деятельности иностранцев на очищаемых от русских войск территориях и не отчуждать их в пользу иностранных держав. Китай отказался выполнять эти условия, а 12 августа 1903 года через японского посланника в Петербурге был передан японский проект соглашения по Корее и Маньчжурии. Он предусматривал признания Россией исключительных прав Японии в Корее и одновременно – равных с Россией экономических прав в Маньчжурии (за Россией признавались лишь преимущественные права в железнодорожном строительстве). В ответ российское правительство 5 октября предъявило Японии свой проект соглашения, который оставлял Маньчжурию целиком в русской сфере влияния, признавая лишь японские интересы в Корее – причем без права вводить туда войска без консультаций с Россией и вообще использовать территорию Кореи в стратегических целях. Вся территория севернее 39-й параллели объявлялась нейтральной, ни одна из сторон не могла держать там какие-либо вооруженные силы (5-й и 6-й пункты проекта).

21 декабря последовал японский ответ, выражавший несогласие с нейтрализацией Кореи и запрещением Японии использовать ее в военных целях. 6 января 1904 года Япония получила ответ России. Она продолжала настаивать на 5-м и 6-м пунктах октябрьского проекта, предлагая в обмен отказ от исключительных прав в Маньчжурии: Россия *«не будет чинить препятствий Японии и другим державам в пользовании правами и преимуществами, приобретенными в силу существующих договоров с Китаем, за исключением устройства селтльментов»*²⁹.

В ответ на это предложение 13 января 1904 года Япония фактически выдвинула ультиматум России: ее окончательными условиями были полная свобода рук в Корее и признание равных прав всех государств в Маньчжурии.

Российский ответ на этот ультиматум был сформулирован в самом конце января и выдержан в примирительных тонах: Россия соглашалась на равенство прав всех держав в Маньчжурии при условии сохранения территориальной целостности Китая, отказывалась от требования

²⁷ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI в. по 1917 г. – М.: Мысль, 1973. – С. 208.

²⁸ Там же. С. 220.

²⁹ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. – М. – Л.: Изд. Академии наук СССР, 1955. – С. 251.

нейтральной зоны в Корее, но продолжала настаивать на неиспользовании территории Кореи в стратегических целях.

Текст ответа был окончательно утвержден 2 февраля и на следующий день отправлен в двух экземплярах – один по телеграфу непосредственно в Токио, другой через Порт-Артур. 4 февраля об отправке ответа был официально извещен японский посол в Петербурге Курино. Однако на следующий день Курино получил указание из Токио: «...ввиду промедлений, остающихся большей частью необъяснимыми... прекратить настоящие бессодержательные переговоры» и прервать дипломатические сношения с российским правительством. Позднее выяснилось, что телеграмма русскому послу в Японии Розену еще 3 февраля была задержана на телеграфе в Нагасаки и достигла адресата лишь 7 февраля.

6 февраля японский министр иностранных дел Комура заявил американскому послу, что война будет объявлена только после отъезда из Токио русского посольства и что у Японии «нет намерения открывать военные действия до объявления войны»³⁰.

Менее чем через двое суток, в ночь на 8 февраля 1905 года, японский флот внезапно атаковал русские корабли в Порт-Артуре, а утром предъявил требование капитуляции стационарам в Чемульпо. 10 февраля в письме своему сыну американский президент Теодор Рузвельт писал: «И между нами – ибо ты не должен говорить об этом никому, – я был в высшей степени рад японской победе, ибо Япония играет в нашу игру»³¹.

В мире есть высшая справедливость – и тридцать восемь лет спустя эта игра аукнется Америке в Перл-Харборе...

Но зададим же более насущный ныне вопрос: чем же закончилась «большая игра» великих держав за Китай и какой из методов ее ведения оказался наиболее эффективным?

Россия, делавшая ставку на политическое проникновение, подкрепленное военной силой, до конца XIX века добилась заметных успехов – но в начале XX века была остановлена Японией, применившей обратную пропорцию: грубая военная сила, подкрепленная хорошо продуманными политическими действиями.

Финансово-экономические методы, подкрепленные военной силой, на рубеже веков выглядели гораздо эффективнее. Но в 1930-х годах Англия и Франция точно так же оказались беспомощны перед японской грубой силой, как и Россия тремя десятилетиями ранее. А еще десять лет спустя круг замкнулся: японская военная мощь в свою очередь была повергнута американской военной мощью, подкрепленной мощью экономической.

На Тихом океане – но не на континенте, где возобладала *идеология*, принесенная в Китай из революционной России в 1920-х годах. Сорок лет спустя после поражения России в войне с Японией Советский Союз не только взял реванш – он добился гораздо большего, дав Китаю свой образ и сотворив из него свое подобие. Точно так же, как Испания когда-то принесла в Америку свой язык и свою культуру.

Где сейчас испанская (а тем паче Римская) империя. А большая часть Америки до сих пор исповедует католицизм, говорит по-испански и именуется *Латинской*. И не будет ли через несколько веков (а может, и десятилетий) вопрос о победителе поставлен по-другому: игру в Китае выиграл Китай – а вот кому удалось ее не проиграть?

Владислав Гончаров

³⁰ Там же. С. 267.

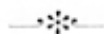
³¹ Там же, со ссылкой на кн.: Pringle H. Theodore Roosevelt. New York, 1931. P. 375.

У стѣнъ недвижнаго Китая

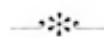

Дневникъ корреспондента „Новаго Края“ на театрѣ военныхъ дѣйствій
въ Китаѣ въ 1900 году

Дмитрія Янчевецкаго

100 портретовъ, 250 рисунковъ-фотографій, 8 фототипій, 2 хромолиитографіи и 2 плана
7 рисунковъ художника І. Смукровича

Изданіе П. А. Артемьева

С.-Петербургъ — Портъ-Артуръ

1903

От издателя

Император Петр Великий, основав Санкт-Петербург у берегов Балтийского моря, прорубил для России окно в Европу и дал ей выход на простор Атлантического океана, но проникновенный взор Великого Преобразователя уже тогда устремлялся на Восток.

В царствование Государя Императора Николая II Россия открыла себе широкие двери и на Восток к Тихому океану – занятием Порт-Артура, на берегах Желтого моря, в 1898 году.

Постройка Великого Сибирского железнодорожного пути и Маньчжурской железной дороги сковала Порт-Артур с Петербургом непрерывной цепью рельс и, соединив берега двух океанов, положила начало новой истории для Восточной России и Северного Китая.

Не успели русские устроить свою новую колонию на Квантуне, как неожиданно грянуло восстание боксеров, потрясшее весь Север Китая и Маньчжурию, и русские войска впервые появились «у стен недвижимого Китая» – в Таку, Тяньцзине, Пекине и Мукдене.

В книге «У стен недвижимого Китая» автор дает, в большинстве случаев как очевидец, описание военных действий русских и союзных войск, спасавших европейцев из очага восстания боксеров. Таким образом, в настоящем издании нашли себе место живые картины: штурма фортов Таку, экспедиции адмирала Сеймура, эпопеи Тяньцзиньской осады, соединенного похода международных войск на Пекин, завершившегося занятием столицы богдыхана, при штурме которой автор был проводником русского передового отряда.

Войско Белого Царя в столице богдыхана

Для усмирения Маньчжурии и спасения Маньчжурской железной дороги Россия была вынуждена занять своими войсками Маньчжурию и ее столицу – Мукден.

В книге дано описание похода на Мукден и изложены первые труды русских по восстановлению в Маньчжурии порядка, законности и спокойствия.

Спешно написанные при боевой обстановке отрывочные корреспонденции, помещенные в 1900 году на страницах «Нового Края», приведены ныне автором в стройную систему: путем введения вновь написанных глав установлена связь событий, самые же события получили должное освещение. Таким образом, перед читающей публикой впервые появляется законченный исторический очерк событий боксерского восстания в Китае с момента их возникновения и со всеми их последствиями для России до настоящего времени.

Мы почти не знаем, что делается за многовековыми стенами издавна уединившегося и ныне растревоженного Европою Китая. А между тем из всех государств, граничащих с Россией, Китай является нашим главным и древнейшим соседом: мы имеем общую пограничную линию на протяжении 9000 верст от Ташкента до Владивостока. Добрые отношения между Россией и Китаем, 200 лет не омрачавшиеся ни одною войною, с каждым днем становятся более тесными, разнообразными и сложными. Будем надеяться, что эти связи останутся неизменно дружественными для блага обоих великих соседних народов.

П. А. Артемьев

От автора

Широкое содействие, оказанное моему труду Главным начальником Квантунской области генерал-адъютантом Е. И. Алексеевым, дало возможность этой книге появиться на свет в том виде и в тех размерах, в каких она была задумана автором, желавшим дать описание блестящей деятельности русских на Дальнем Востоке в пору испытаний.

Два образованнейших китайца – компрадор Русско-Китайского банка в Порт-Артуре г. Фон Вай Хин и г. Ливачан, вполне сочувствуя изданию книги, написанной в духе вековой русско-китайской дружбы, оказали щедрую материальную поддержку в самом начале издания.

Следующие лица любезно предоставили в распоряжение автора свои коллекции фотографий, снятых во время военных действий в Китае: доктор И. В. Падлевский, сестра милосердия Люси Пюи-Мутрэйль, подполковник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Муравьев, фотограф В. С. Мацкевич, капитан Мошинский, поручик Люпов, лейтенант Родионов, лейтенант Бурхановский, консул А. Н. Островерхов, вице-консул П. Г. Тидеман, инженер В. К. Якобсон, Н. К. Эльтеков и др., – которым автор выражает глубокую благодарность.

Из всех книг, посвященных иностранными авторами китайской войне 1900 года, выдающимся явилось сочинение английского корреспондента Генри Сэвэдж-Лэндора «China and the Allies», роскошно изданное в Лондоне и дающее наиболее точную и беспристрастную хронику событий. Для русских читателей эта книга интересна тем, что ее автор подробно и весьма сочувственно описывает труды и значение русских в этой войне.

С любезного согласия г. Лэндора наиболее интересные иллюстрации его издания помещены также в моей книге.

В русской литературе появились обстоятельные сочинения капитана А. В. Полторацкого, капитана К. К. Кушакова, ротмистра Ю. Л. Ельца, доктора В. Н. Корсакова и замечательный труд молодого профессора Владивостокского института восточных языков А. В. Рудакова «Общество Ихэтуань», представляющий не только в России, но и за границей первое научное исследование вопроса о боксерах в Китае. Указанные сочинения послужили мне материалами при обработке моего дневника.

Книга «У стен недвижимого Китая» не лишена многих пробелов и недочетов, за которые автора извинит китайское изречение:

«В книге не скажешь всех слов – словами не скажешь всех мыслей».

Дмитрий Янчевецкий
С.-Петербург, 1902 г.

Первая часть Тяньцзинь

ПЕЧИЛИ И ЮЖНАЯ МАНЬЧЖУРІЯ ВЪ 1900-1902 ГГ.

Бал в Порт-Артуре

14 мая 1900 года

В воскресенье 14 мая³² 1900 г. вице-адмирал Евгений Иванович Алексеев, за пять месяцев перед тем вступивший в управление Квантунской областью и командование войсками и эскадрой, давал первый бал порт-артурскому обществу.

Это был чудный бал на берегах Тихого океана... Молодость и красота, чины и заслуги Порт-Артурского, Дальнего и Талиенвана веселились в живой панораме туалетов всех цветов радуги, смеющихся лиц, пронизывающих взглядов и прекрасных плеч, в волнах неумолкаемых ласкающих звуков и в лучах электрических лилий...

Единственное украшение и утешение Квантуна – наши дамы явились в нарядном убранстве, в котором вкус спорил с оригинальностью. Были показаны самые последние моды Парижа, для чего были опустошены все магазины Артура. На элегантных костюмах дам было, кажется, больше цветов, чем растительности на всем Квантуне, и, наверное, больше бриллиантов, драгоценных камней и золота, чем в Золотой горе.

Я любовался на трех изящных граций, которые были одеты в одинаковые антично-простые костюмы и переносили меня в мир Эллады и муз.

Я видел перед собою воздушный туалет томных и неуловимых цветов, как вечер в Нагасаки; или черный туалет, таинственный и непроницаемый, как тропическая ночь; или величественный алый костюм цвета самой бурной страсти или артурского зноя. Предо мной витал прелестный наряд, усыпанный незабудками, голубой цвет которого напоминал небо Японии; или строго выдержанный наряд в розах, с нежными красками которого не могла бы сравниться квантунская весна. Для передачи этого красивого миража, в который сумели облечься порт-артурские дамы с помощью своих китайских портных, – у меня не хватает ни слов, ни умения.

Тем более я не нахожу в себе никаких способностей для описания наружности, грации и чарующей любезности муз и терпсихор Ляодунского полуострова, прекрасных, как японские розы и китайские неньюфары.

На балу присутствовали среди гостей: начальник Тихоокеанской эскадры вице-адмирал Гильдебрандт, младший флагман контр-адмирал Веселаго, командир порта контр-адмирал Старк, генерал-майор Стессель, Порт-артурский окружной суд в полном составе, начальники отдельных частей и управлений. Кроме того, главным начальником края были приглашены на бал все кают-компании и офицеры всех частей, с их супругами, представители гражданских, городских и коммерческих учреждений и др.

Зал, гостиная и буфет блистали электричеством и оживленным обществом. Были гости из других городов. Между прочим, был талантливый гость из Кореи А. И. Павлов, занимающий там весьма ответственный дипломатический пост и получивший первый закал еще на палубе русского военного корабля для несения трудной службы в горниле Дальнего Востока.

Представительницей соседнего с Артуром города Чифу явилась прекрасная американка с черными глазами, в голубом платье, приятный цвет которого был чище и нежнее волн Печилийского залива, доставивших эту гостью на бал.

Мужчины всех форм и родов оружия, включая несколько меланхолических фраков, говорили дамам остроумнейшие слова, в которых было не меньше соли, чем в Бицзювоских соляных варницах, и тончайшие и деликатнейшие комплименты, не уступая в любезности самым ученым китайским мандаринам, которые также не были забыты внимательным хозяином бала

³² Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, все даты приводятся по старому стилю.

и присутствовали на балу во главе с вновь пожалованным китайским генералом Тифонтаем, в дорогих шелках самых удивительных цветов и узоров.

Был старший механик Хо, старшина китайских купцов Фан, компрадор Русско-Китайского банка Фон и другие.

Хозяин праздника принимал гостей с искренним радушием русского боярина и никого не забывал своим вниманием.

Молодежь танцевала с увлечением.

Нетанцующие либо разместились в гостиной и буфете, где прохлаждающие напитки, вино и шампанское лились тропическим ливнем, либо укрылись в палатке, растянутой в саду за единственными вечно зелеными полями Квантуна – карточными.

Главный начальник Квантунской области генерал-адъютант вице-адмирал Е. И. Алексеев

Из зала, по искусственной галерее из флагов, гости выходили в фантастический сад, сверкавший тысячами фонарей и электрических лампочек, которые причудливыми линиями извивались по аллеям, между цветов, на деревьях, отражались в пруду и освещали уединенные беседки для уединенных бесед. Чудно был иллюминирован «грот нежных вздохов и невольных признаний».

Тихая ночь, сад, усыпанный звездами электрических огней, гуляющие нарядные пары, звуки музыки, разнообразное общество, общее оживление и веселье – все сливалось в фее-

рическую картину, которая происходила не в окрестностях Петербурга или Москвы, но в 10 000 верст от них, на конце пустынного и полудикого Ляодунского полуострова, у волн Тихого океана.

На этом балу были получены тревожные телеграммы из Пекина и Тяньцзиня.

– Скажите, пожалуйста, – обратился я к одному молодому иностранному дипломату, бывшему проездом из Пекина, – что такое там у вас в Китае происходит? Около Пекина боксеры напали на китайцев-христиан и сожгли их вместе с храмом. В Вэйхайвэе китайцы напали на английских офицеров и двух ранили. Что это значит?

– Это совершенно ничего не значит, – ответил дипломат, – в Китае подобные беспорядки происходят каждый год в какой-нибудь из провинций, и если им придавать значение, то в таком случае нам пришлось бы оккупировать Китай и держать в нем международную армию в несколько миллионов штыков во всех городах. Наш дипломатический корпус в Пекине никогда не обращает никакого внимания на все эти возмущения. Эти беспорядки в порядке вещей. Теперь в Пекине дипломаты гораздо более интересуются любительскими спектаклями и веселыми скачками. А посланники собираются выезжать на дачу в Пэйтихо.

– Ну, а если события усложнятся? – полюбопытствовал я.

– Тогда адмиралы сделают морскую демонстрацию в Таку и вышлют интернациональный десант, который сделает веселую военную прогулку в Пекин. Мы устроим им торжественную встречу с музыкой и шампанским. Офицеров пригласим в число членов нашего клуба и будем с ними все лето играть в теннис. Осенью десант вернется на суда, и инцидент окончится так же, как он оканчивался раньше.

– Ну, а ваше мнение о нынешних китайских беспорядках? – спросил я знатного китайца-коммерсанта в длинном одеянии из тончайшего шелка бирюзового цвета.

– Какие китайские беспорядки? – переспросил он.

– Те, что теперь происходят в Печилийской провинции.

– Это другая провинция, которая нас не касается, – ответил коротко китаец.

Этот волшебный бал закончился красивым котильоном³³, программа которого делает честь его устроителям и дирижерам, выказавшим изобретательность и удивительную неутомимость во время танцев.

В продолжение котильона от имени хозяина праздника дамам были поднесены на память, кроме разных котильонных значков, лент с надписями, вееров с вышитыми русскими военными флагами, изящные золотые сувениры, в виде морских атрибутов, кортиков, палашей, якорей и т. д.

Последняя фигура котильона была самая эффектная – битва конфетти, в которой и дамы и кавалеры принимали самое горячее участие и усердно обсыпали друг друга импровизированным снегом, и могли спастись только с помощью изящных зонтиков, любезно поднесенных дамам. Еще ни разу на Квантуне не выпадало так много снега, как на этом балу. А большой снег, по китайской примете, хорошее предзнаменование. Увы! ему не суждено было сбыться.

При звуках прощального вальса, среди снега и цветов, общее оживление достигло высшего напряжения, пары стали кружиться если не с быстротой тайфуна, то со скоростью маньчжурских поездов, причем, конечно, не обошлось без столкновений, кончавшихся, впрочем, как всегда, благополучно.

К сожалению, «где есть начало – там непременно есть и конец», как говорит китайская поговорка.

³³ Танец-игра, танцевался на мотив вальса, польки или мазурки. Ведущие совершали по залу тур вальса, после чего кавалер оставлял даму в центре зала, выбирал среди танцоров еще двух кавалеров, вместе с которыми составлял круг возле дамы. Дама должна была выбрать себе партнера для следующей фигуры. Котильон предоставлял танцующим множество возможностей для флирта, решительного объяснения и потому был любимейшим из бальных танцев. Одним из элементов котильона является известная детская игра «ручеек».

В 4 часа утра, когда уже светало, гости стали расходиться и разъезжаться, прощаясь с гостеприимным хозяином, и поэтический бал на берегах Тихого океана кончился.

Ничто не предвещало грозы, которая разразилась через три недели. Неужели эти статные моряки и стрелки, сверкавшие на балу молодостью и здоровьем, не предчувствовали, что через три недели им придется день и ночь биться около Тяньцзиньского вокзала и изнемогать от жары, голода, жажды и бессилия.

Неужели сердце не подсказало одной из этих изящных граций в нежно-розовом газе, которая беззаботно порхала в вальсе и сияла своими чарующими улыбающимися глазами, что только через три недели она наденет черное платье горя и слез и будет убиваться по своему безвременно убитом юном герое.

18 мая

Из Пекина получено известие, что боксеры разрушают полотно железной дороги на Ханькоу, жгут станции и осадили французских и бельгийских инженеров.

Посланники потребовали десант для охраны миссий. 16 мая наши суда «Сисой Великий», «Дмитрий Донской», «Кореец», «Гремящий», «Гайдамак» и «Всадник» ушли из Порт-Артура в Таку под флагом контр-адмирала Веселаго. С судов отправлен десант из 72 матросов, под командою офицеров Радена и Дена, которые прибыли в Пекин 18 мая.

В Тяньцзинь посланы 25 казаков с сотником Семеновым. «Гайдамак», «Всадник» и миноноски будут поддерживать почтовое сообщение между Порт-Артуром и Таку.

В Артуре ходят разные слухи. Военные предсказывают, что они скоро будут брать Пекин, и говорят, что если им прикажут, то они завоюют Маньчжурию и весь Китай.

Наши казаки у Великой Китайской стены

21 мая

Сегодня в Пушкинской русско-китайской школе торжественно окончили учебный год. Эта школа, в которой я учил русскому языку около сотни китайцев, от мала до велика, была одним из лучших памятников деятельности ее основателя – бывшего начальника Квантунского полуострова генерала Суботича. Адмиралом Алексеевым она была преобразована и расширена.

На молебен в школу приехал адмирал Алексеев, только что получивший снова несколько тревожных телеграмм из Тяньцзиня. По окончании молебна, прощаясь с китайскими учениками, он обратился ко мне:

- Не хотите ли поехать в Тяньцзинь и Пекин и узнать, что там такое происходит?
- Слушаюсь. Когда прикажете выехать?
- Вы поедете сегодня вечером на военном судне, как корреспондент «Нового Края».
- Слушаюсь, я готов.

Когда адмирал сел в экипаж, китайцы выбежали на улицу и старательно кричали «ура» вслед русскому цзяньцзюню.

Я собрал своих учеников и сказал им несколько прощальных слов по-китайски:

– Прощайте, ученики. Будьте здоровы, отдыхайте и через два месяца возвращайтесь снова в школу! Вы, может быть, слышали, что теперь вокруг Пекина ихэтуань-боксеры производят большие беспорядки. Помните, что если что-нибудь с вами случится, то самую надежную защиту и покой вы найдете только в Порт-Артуре у русских. Прощайте, дети! Осенью мы с вами увидимся опять.

– До свидания! До свидания! – закричали дети по-русски.

Увы! Этих милых доверчивых детей мне более не суждено было видеть.

Я простился с редактором порт-артурской газеты «Новый Край» подполковником Артемьевым, у которого состоял помощником, и стал готовиться к отъезду. Вечером я навестил моих друзей-китайцев, которые дали мне рекомендательные письма в Тяньцзинь и Пекин. Дипломатический чиновник, состоящий при адмирале Алексееве, И. Я. Коростовец любезно дал мне рекомендательные письма в русскую миссию в Пекине.

Отход «Гайдамака» в Таку был назначен на другой день в 6 часов утра.

Таку

22 мая

Хронометры, артиллеристы и моряки, как известно, отличаются одинаковой точностью и аккуратностью. Поэтому, когда я с легким походным багажом был в 6 часов утра доставлен проворным перевозчиком-джинрикшей на набережную бассейна военных судов, минный крейсер «Гайдамак» уже снялся с якоря и выходил из гавани.

Я прыгнул в шампунку – ялик, и китаец-шампунщик, быстро и ловко ворочая одним веслом, укрепленным веревкой на корме шампунки, повез навстречу выходящему крейсеру.

Матросы спустили трап и уже на ходу судна приняли меня на борт. Я представился командиру капитану 2-го ранга Соболеву и познакомился с офицерами.

Жаркое сверкающее утро. Синие воды еще не проснулись и чуть бороздились набегающими струйками сонного ветра. Но гавань уже очнулась. На пароходах под разными флагами уже стучали и визжали лебедки. Кричали матросы. Китайцы-мореходы на расписных крутобоких джонках-шаландах, с поднятыми кверху кормами и носами, с красными трепещущими флажками на мачтах, дружно поднимали рыжий промасленный парус и с каждым подъемом хором вскрикивали. От западной стороны бассейна, где находится пристань морского пароходства и вокзал строящейся Маньчжурской железной дороги, доносился лязг стучающихся вагонов и свистки первых вестников цивилизации в Маньчжурии – паровозов.

Прямо против узкого прохода в море над городом подымалась Яшмовая гора, красивая и стройная, как грудь женщины. По странному недоразумению французы, а затем русские, вопреки изящному китайскому названию Бай-Юй-Шань – «Белояшмовая гора», стали ее называть Перепелочной, хотя на ней давно нет никаких перепелок, как нет, впрочем, и яшмы.

Два белых остроконечных камня на горе, поставленные один выше другого, указывают судам створ, по которому они должны входить в гавань в узком проходе, между Тигровым хвостом и Золотой горой.

Этим проходом мы выходим в море. Направо и налево торчат острые красные слоистые скалы, выпертые со дна моря вулканическими потрясениями. Направо и налево батареи. У молчаливых, но грозно глазающих орудий, под деревянными зонтиками, стоят часовые с обнаженными шашками и посматривают на проходящее судно.

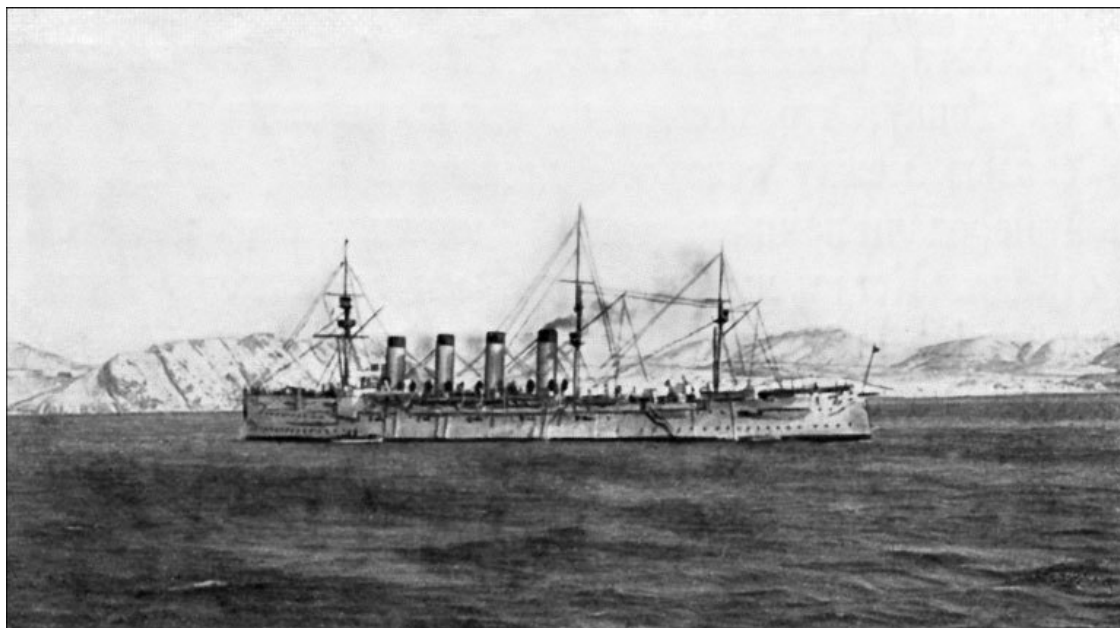
Трехплечая или треххолмная Золотая гора, китайская «Хуан-Цзинь-Шань», высоко уходя к небу, расставила над городом свои надежные каменные объятия. В течение многих веков разные народы хозяйничали на этой горе: китайцы, чжурчжени, монголы, маньчжуры и японцы. Теперь ею командуют русские, и ее утесы и скрытые в них батареи являются верной защитой для разбросанного внизу юного русского города.

«Адмирал Корнилов»

Будем надеяться, что, когда пробьет роковой час, Золотая гора в Порт-Артуре узнает участь не менее славную, но более счастливую, чем Малахов курган в Севастополе.

Мы вышли из прохода на рейд, где стояли два корабля: стройный двухтрубный «Адмирал Корнилов» и величественная великолепная «Россия», красивая эмблема славы и силы своего государства. Ее четыре громадные трубы напомнили мне о тех четырех странах света, по которым необъятная и неудержимая Россия шире и могущественнее раздвинулась за одну тысячу лет своей истории, чем другие государства за несколько тысячелетий своей жизни.

«Россия» у берегов Порт-Артура

Мы быстро идем в море, на юго-запад, в Таку. Берег долго виден. Тянется пустынный, зубчатый, с желтыми скалами, едва окрашенными чахлой травкой, Тигровый хвост, пригвожденный на конце белым маяком, – и последний уголок России на азиатском материке скрылся в голубой дали.

Кругом ясное небо. Теплый воздух. Чем ближе мы подходим к берегам Чжилийской провинции, тем более мутнеют бирюзовые волны Чжилийского залива, смешиваясь с илом, который веками выбрасывают реки великой китайской равнины – Желтая, Белая и Ляо: по-китайски Хуанхэ, Байхэ и Лаохэ.

В 11 часов утра в кают-компании подали завтрак. Старший офицер лейтенант, князь Кр***³⁴, остроумный и интересный собеседник, философски настроенный, жаловался:

– Знаете ли вы, корреспондент, что такое служба на минном крейсере, на котором вы теперь идете? Знаете ли вы, что наша служба на этом почтово-пассажирском пароходе самая трудная, беспокойная, ответственная и самая неблагодарная, чем на всех других судах эскадры? Мы не имеем ни дня, ни ночи спокойной, потому что каждую минуту нас могут послать из Артура в Таку и из Таку в Артур с почтой и пакетами чрезвычайной важности. Если нужно кого-нибудь или что-нибудь перевезти, посылают нас. Если боксеры уничтожат телеграф в Тонку, что весьма вероятно, то наши крейсера будут главной связью между эскадрой, десантом и Артуром. От своевременной передачи нами экстренной депеши может зависеть участь целого отряда. Когда мы в ходу, мы не можем иметь никакого спокойствия: вы видите, как нас качает.

Точно в подтверждение слов лейтенанта, «Гайдамак» стал усиленно раскачиваться на Печилийских волнах. Суп начал плескаться в тарелках.

– Когда же мы стоим на этом суденышке в Таку, – продолжал старший офицер, – так это истинное мучение. Вода в Такусском рейде ничем не защищена от ветров и вечно болтается. Нельзя принять ни одного положения, допускаемого вашим телом, чтобы это было для вас удобно. Нельзя ни сидеть, ни лежать, ни спать, ни стоять. Вас подбрасывает во все стороны. Нельзя же в самом деле все время ходить, балансируя по палубе, как акробат по канату. А

³⁴ Имеется в виду лейтенант Сергей Петрович Крапоткин. Вскоре после описанного разговора он был переведен на броненосец «Сисой Великий» и принимал участие в блокаде Таку.

между тем, как ни стараться, на нашей трудной, черной, неэффективной и неблагодарной службе нельзя заработать Георгия. Это не крепости брать, хотя каждый из нас сумеет это сделать несколько не хуже, чем всякий другой офицер. И так мы будем болтаться и терзаться целое лето, пока не окончится вся эта китайская комедия.

– Но как бы эта комедия не превратилась в трагедию? – заметил я.

– Тем лучше. И тем больше шансов для нас встретиться с каким-нибудь неприятельским судном и пустить его на воздух, если, конечно, мы не взлетим раньше сами.

«Гайдамак» быстро шел на запад, делая по 15 миль в час.

К вечеру ветер усилился. Бурные волны со свистом и завыванием бросались на судно, то нагоняли, то опережали его, то кидали из стороны в сторону и снопом брызг обливали его бока.

Я лег в каюте, но от качки стал неистово вертеться и болтаться на койке, будто из меня сбивали сливки. Я взобрался снова на палубу и, делая без всякого желания веселые прыжки и поклоны, каждую минуту убеждался в справедливости слов лейтенанта.

– Неужели в этом заливе всегда так качает? – спросил я одного из офицеров.

– Нет, сегодня еще сравнительно тихая погода, – ответил он.

– Благодарю покорно!

В 6 часов вечера на алом горизонте заката стали вырисовываться суда международной эскадры, и в 7 часов, среди иностранцев, ясно показались очертания родных судов – «Сисоя Великого» и «Дмитрия Донского».

«Гайдамак» повернул к адмиральскому кораблю «Сисой Великий».

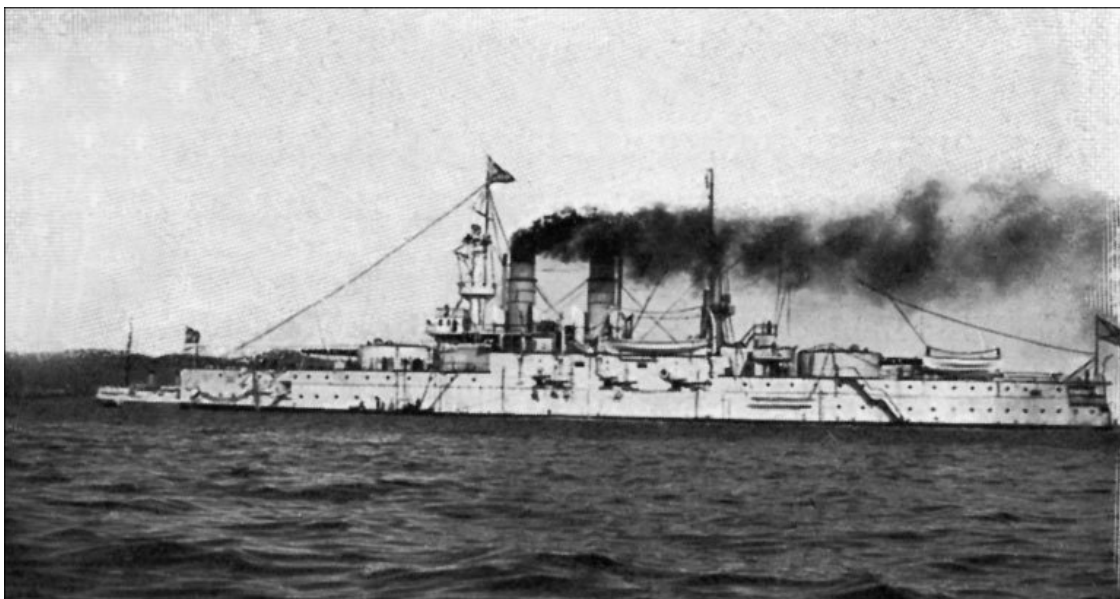
Морская демонстрация! Какая редкая и странная, но красивая картина.

На протяжении 10 миль собралось 22 судна девяти держав. Ближайшие суда отчетливо чернели своими реями, флагами, орудиями, рубками, матросами. Далекие суда ускользали из вида. Наступила ночь, заблестали иллюминаторы, и зажженные фонари точно звездочки повисли в воздухе. Доносился неясный шум команд, музыки. Паровые катера и барказы точно чайки носились между морскими исполинами, которые, едва покачиваясь, лежали черными огромными китами на мутной беспокойной воде.

Вот английские гиганты: броненосец «Centurion» под флагом вице-адмирала Сеймура, крейсера «Orlando» и «Endymion».

Там друзья-французы. Крейсер «Descartes», мощных очертаний, с странными низкими и широкими трубами, точно с двумя головами, и крейсер «D'Entrecasteaux», офицеры которого, вероятно, вспоминали бурный альянс и жаркие объятия своих русских товарищей в Порт-Артуре, во время их визита в наш порт, за три недели. На крейсере «D'Entrecasteaux» флаг контр-адмирала Куржоль.

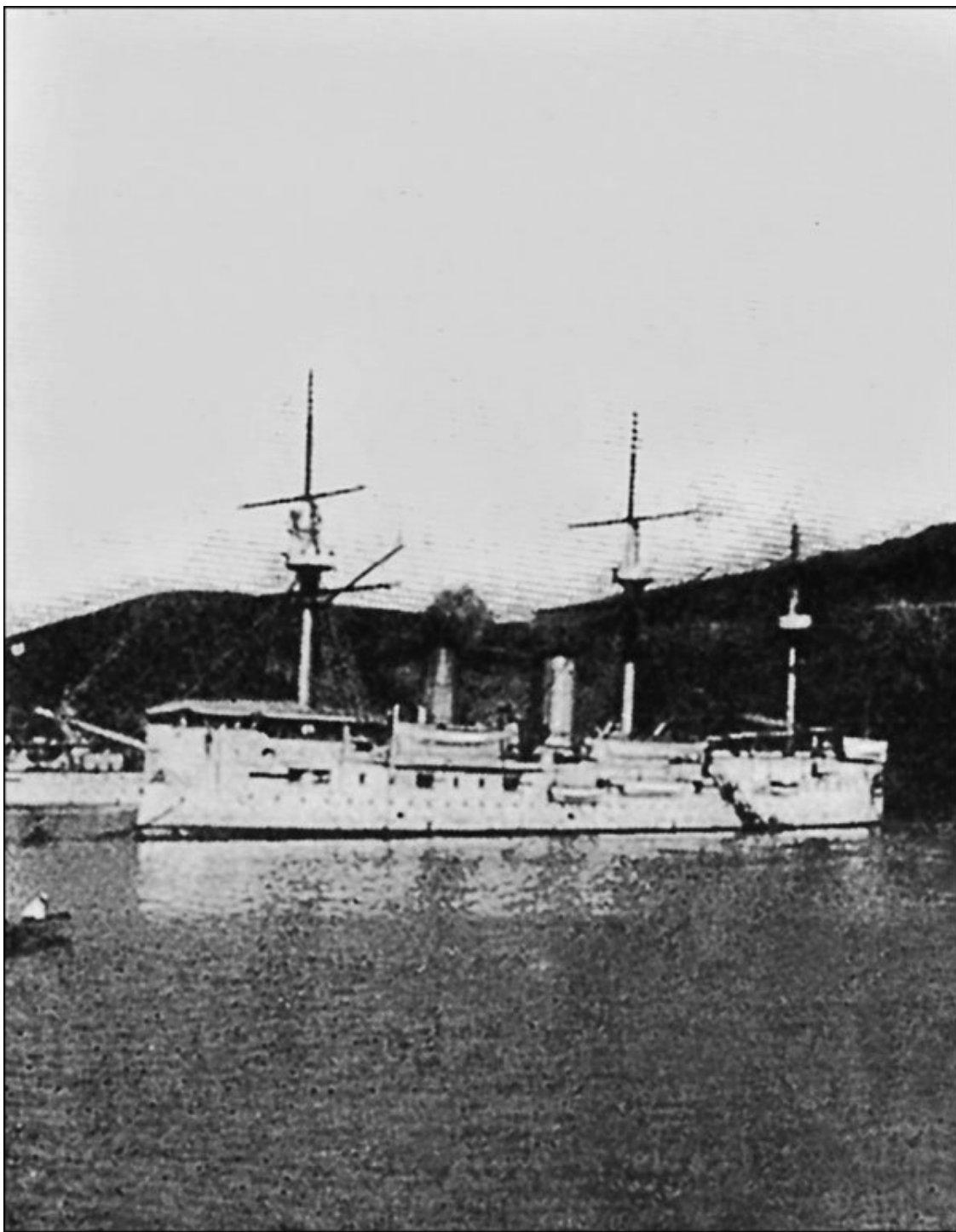
Германский крейсер «Kaiserin-Augusta». Австрийский – «Zenta». Итальянские «Elba» и «Calabria». Японский «Kassagi» и американские «Manocasy» и «Newark». В стороне стоял китайский крейсер «Хай-Тен», под флагом контр-адмирала. Как-то странно было видеть китайца среди союзников, ополчившихся на китайцев.

«Сисой Великий»

По решению адмиралов на китайском крейсере были сняты некоторые части машины и замки у орудий.

На трех судах были видны флаги, красивые по простоте и идее: синий андреевский крест на белом поле. Это были – «Сисой Великий», «Дмитрий Донской» и «Всадник», который жестоко бился на зыби. На горизонте стоял «Гремящий», а в реке Пэйхо «Кореец».

«Дмитрий Донской»

В реке из иностранцев стояли англичанин «Algerine», немец «Ittis» и японец «Atago». Кроме броненосцев и крейсеров на рейде находились – два английских истребителя миноносцев, одна английская военная яхта и французская лодка «Surprise».

Ни берегов, ни фортов Таку не было видно. Это грандиозное собрание судов международной эскадры качалось в открытом море. Это был веселый вооруженный лагерь, с 10 000 штыков, плававший на воде и имевший своею целью смело угрожать 400 миллионам китайцев.

К сожалению, к китайцам никак нельзя было подобраться поближе. Вследствие мелководья залива большие суда должны держаться верстах в 20 от устья Пэйхо, именуемого Таку и

защищенного фортами. Кроме того, чтобы войти в реку, необходимо перебраться через бар – песчаную илистую отмель, которая доступна для низко сидящих судов только в прилив.

Других мест для высадки десанта, кроме устья рек Пэйхо и соседней Бэйтанхэ, охраняемой первоклассной крепостью Бэйтан, в этом районе не имеется.

Контр-адмирал Веселаго

Совершенно стемнело, когда мы подошли к адмиральскому кораблю «Сисой Великий». Опустили шлюпку, в которую забрался и я. Матросы дружно выгребали, и через несколько скачков по волнам мы были уже у трапа «Сисоя Великого», но пристать к нему не было никакой возможности. Шлюпка ежеминутно взлетала кверху и падала. Миг... и один из нас уже был

в воде, но так как каждый моряк чувствует себя в воде так же удобно, как и в воздухе, то он даже не поморщился и, подхваченный матросами, взобрался на трап.

Наступил мой черед... Железные руки матросов крепко ухватили меня за ноги, руки, плечи и голову, и вместе с моими чемоданами я полетел на трап, где меня подхватили уже другие дюжие руки. Испытание кончилось. Мы на броненосном корабле, в покое, комфорте и в гостях у радушного адмирала Веселаго.

– Когда я пришел сюда на «Сисое», в сопровождении «Донского», «Гремящего», «Корейца», «Всадника» и «Гайдамака», – рассказывал адмирал, – на этом рейде я застал только два иностранных корабля. Потом стали подходить другие. Большое внимание нам оказал адмирал Сеймур. Когда он пришел на своем броненосце «Центурион», то, проходя мимо русских судов, он приказал играть наш народный гимн. Своего внимания к русской эскадре он не ограничил этим. Хотя он старше меня в чине – он вице-адмирал, – но он первый сделал мне визит, на который я сейчас же ответил. На другой же день после прихода на этот рейд, согласно полученным мною инструкциям, я отправил в Таку десант на баржах, буксируемых пароходом и сопровождаемых «Корейцем». Наш десант состоял из 75 человек матросов с «Сисоя» и «Наварина», 30 казаков³⁵ и 40 лошадей, при одном орудии. Кроме того, с нашими буксирами я отправил французский десант в 100 человек и итальянский в 36, с итальянской пушкой. После отправки десантов французы и итальянцы приезжали благодарить меня за оказанное им содействие. Раньше в Пекин был отправлен международный десант из 75 англичан, 75 американцев, 60 германцев, 50 австрийцев и 30 японцев, причем у американцев, австрийцев и англичан было по своему орудию³⁶. Под общим начальством нашего военного агента полковника Вогака этот десант двинулся по реке Пэйхо на баржах до Тяньцзиня, а оттуда по железной дороге до Пекина, куда прибыл благополучно. Вогак вернулся в Тяньцзинь, где оставлены наши казаки. Из Пекина и Тяньцзиня я имею очень нехорошие известия. Вокруг столицы полное возмущение. Иностранцы и железная дорога в опасности. Около Тяньцзиня наши казаки уже дрались с боксерами, выручая французских инженеров³⁷. По слухам, есть раненые и убитые. Французы и бельгийцы, бежавшие из Баодинфу по реке в джонках, с женщинами и детьми, имели стычку с боксерами, которые перебили 16 европейцев. Только 5 спаслись и добрались до Тяньцзиня. В этом городе неожиданно сгорел английский банк. Предполагают, что это дело рук китайской прислуги, которая действует заодно с боксерами. Странный случай был также с тем десантом из русских, французов и итальянцев, которых я отправил в Таку. Когда десант на баржах стал входить в реку, с китайских фортов раздались выстрелы. Какие это были выстрелы и против кого направлены – неизвестно. Оптимисты говорят, что это были салюты. Но я полагаю, что, если бы китайцы стреляли более метко, они могли бы без труда пустить все баржи с десантами ко дну и потом извиняться, что их салютационные выстрелы в честь иностранцев были так несчастливы.

– Зато посмотрите, – продолжал адмирал, – какое эффектное зрелище представляет теперь наш рейд. – Адмирал встал и вышел на балкон своего помещения. – Какая иллюминация! Какое оживление! Не правда ли, настоящий парижский бульвар ночью!

Вид был действительно чудный! На потемневшей равнине моря целые созвездия электрических огней. Огни на мачтах, на реях. Огненные многоточия иллюминаторов рисовали

³⁵ Из 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка.

³⁶ По другим данным, в Пекин прибыли следующие десанты: 18 мая – 75 французов, 63 американца, 50 немцев, 28 итальянцев, 25 японцев; 19 мая – 79 англичан с 2 пушками, 30 австрийцев. (См.: *Дацьшен В. Г.* Русско-китайская война 1900 г. Ч. II. Поход на Пекин. СПб., 1999. С. 65.)

³⁷ Идет речь о бое 21 мая 1900 г. Взвод 6-й сотни 1-го Верхнеудинского казачьего полка под командованием сотника Семенова с двумя прикомандированными стрелковыми офицерами и тремя французами, под общей командой штабс-капитана Нечволодова был отправлен на поиски пропавших бельгийских и французских инженеров. В 60 верстах на юго-запад от Тяньцзиня произошла стычка с ихэтуанями. Были ранены поручик Блонский, двое казаков и один француз, 16 китайцев были убиты. См.: *Дацьшен В. Г.* Русско-китайская война 1900 г. Ч. II. Поход на Пекин. СПб., 1999. С. 82.

силуэты грандиозных судов, между которыми перебежали огоньки катеров и шлюпок. На горизонте вспыхивали длинные яркие лучи и кидали на облака быстрые лунные пятна.

– Это наш телеграф, – сказал адмирал, – гелиография. Мы передаем сигналы на облаках с помощью электрических лучей «Гремящему», который стоит у бара, а «Гремящий» передает таким же путем «Корейцу», стоящему в реке. Таким образом мы можем моментально и просто переговариваться друг с другом, на протяжении более 25 верст. А иногда «Кореец» даже прямо принимает сигналы, которые мы ему подаем на небе, хотя для нас он стоит под горизонтом.

– Но ведь другие союзники также обмениваются сигналами. Каким образом среди этого огромного собрания судов не происходит путаницы?

– Каждая нация имеет свою собственную азбуку сигналов, не известную ни для какой другой нации. В этом и состоит искусство, чтобы среди множества сигналов уловить адресованную вам депешу.

В 12 часов ночи, когда я беседовал в кают-компании со знакомыми офицерами, вошел красивый молодой лейтенант с живыми синими глазами и рыжими усами, только что сменившийся с вахты. Это был Евгений Николаевич Бураков, мой старый знакомый по Ревелю. Мы дружески встретились и разговорились. Офицеры разошлись по каютам. Мы остались вдвоем в кают-компании. Наше общество разделяла только бутылка хорошего Редерера.

– Помните, корреспондент, как мы с вами встречались в Ревельском екатеринентальском салоне на балах и спектаклях и вместе увлекались одной изящной смуглой адмиральской дочкой, с знойными глазами цыганки и холодным сердцем Снегурочки? – спросил Бураков.

– Я только помню, что, несмотря на постоянный холод сердца этой Снегурочки, я всегда безнадежно таял перед нею. Ваше же присутствие меня только морозило, потому что вы всегда оставляли меня за флагом.

– В таком случае мы с вами остались вдвоем за флагом, так как рекорд на ее сердце уже побит капитаном второго ранга.

– Что не мешало ему быть у дам всегда в первом ранге.

– Я очень рад, – перебил Бураков, – что вы едете в самое жерло боксерского вулкана. Это очень полезно для молодого человека. Я буду очень доволен, если вспыхнет война, и непременно постараюсь попасть в авангард наших действий. Думаете, легко нам здесь болтаться на рейде, выстаивать эти ужасные вахты и ждать у моря, действительно у моря – погоды, чувствуя, что там на берегу ныне совершается что-то великое, чрезвычайное, может быть, первый раскат китайского грома и пробуждение от векового сна страшного дракона. Мы все рвемся в бой, вперед, а между тем принуждены стоять неподвижно на якоре, есть консервы, пить вино, жить слухами и томиться от тоски, скуки и бездеятельности. Мы и берега не видим, и в море не идем, а качаемся на этой пустыне между небом и водой. Мы, военные, нуждаемся в войне, как природа в грозе: без нее мы обесцвечиваемся, вянем, тоскуем и становимся чиновниками. Совершенно справедливо сказано, что война рождает героев. Только труд, борьба и риск создают сильные характеры. Хотя в наших канцеляриях много работают, но они не создают героев, так как слишком занимаются борьбой узких интересов и мелких самолюбий и честолюбий. Герои могут возродиться только либо на залитом потом и кровью поле, на бушующих волнах или на неприятельской стене, где идет бой за жизнь или смерть. Теперь наша молодежь так зарылась в своих канцеляриях и бумажных делах, что на мир смотрит только с точки зрения своих портфелей и в разговорах можно всегда услышать слово «карьера», но слова «Россия» или «отечество» – очень редко. Кажется, у нас верхом карьеры считают получение большого оклада или выгодной командировки, не заботясь о том, полезна или бесполезна эта командировка для государства, и не думая о том, что гражданин может оказать такие услуги государству, за которые оно не будет в состоянии отплатить никаким вознаграждением, такова, например, смерть Сусанина. Есть подвиги дороже жизни. Какой подвиг – принести себя в жертву народу или его части, если ей грозит опасность, и своей единичной смертью дать жить многим.

У меня есть предчувствие, что, если теперь грянет война, я брошусь в огонь и паду одним из первых. Но я не боюсь смерти. Жизнь дала мне так много светлых, счастливых дней, что я не могу требовать лучшего, а ждать худшего я тоже не хочу. Отчего же в самом деле не решиться на действительно великое дело – рискнуть своею жизнью во имя идеи и гражданского долга. Поэтому, – прибавил он, налив вина и заблистав глазами, – выпьем за торжество смелых и благородных идей!

– Я пью за торжество вашей идеи и за вашу славу! Вы, как истинный артист на сцене, чувствуете страх и тревогу перед своим триумфом.

Светало. Мы крепко пожали друг другу руки, и больше я Буракова не видел. Через 12 дней он был убит на «Корейце» при штурме фортов Таку.

23 мая

Проведя ночь на гостеприимном «Сисое» и отправив первую корреспонденцию в Порт-Артур, в 5 часов утра я должен был ехать дальше. Меня встретил на палубе мичман З., который был очень удивлен, что я отправляюсь в путь без оружия.

– Как? Вы едете на войну без револьвера? Чем же вы будете защищаться в случае опасности? Какой же вы корреспондент? Стенли и Ливингстон, отправляясь в поход, были всегда вооружены с ног до головы.

– Но я совершенно не собираюсь с кем-нибудь драться. Я еду писать корреспонденции, а не сражаться.

– На вас могут напасть боксеры. Что вы тогда будете делать с вашими перьями?

– Я еще об этом не думал, но во всяком случае никогда не буду стрелять в боксеров, так как весьма уважаю этих патриотов своей родины. Полагаю, что если суждено быть убитым, то мне даже 12-дюймовая пушка не поможет.

– Нет, это никуда не годится. Вы можете скомпрометировать ваше звание корреспондента. Вы должны иметь оружие. Я вам подарю.

Мичман З. ушел в свою каюту и вернулся с револьвером.

– Вот вам на память от меня хороший «Смит и Вессон» и пачка патронов. Пусть они вас сохранят в опасную минуту.

Я поблагодарил и на всякий случай положил мое оружие на самое дно чемодана.

Так как в то же утро в Пекин был командирован курьером лейтенант Бурхановский, то меня вместе с важными пакетами от адмирала Алексеева сдали ему для доставки по назначению.

Минный крейсер «Всадник», брат «Гайдамака» по виду и типу, повез нас на «Гремящий».

Утро блистало. Суда международной эскадры просыпались одно за другим. Раздаются команды, рожки, свистки. На адмиральных кораблях взвиваются пестрые сигнальные флаги и переговаривают с флагами подчиненных судов.

Кругом эскадры стоят купцы – коммерческие пароходы, снабжающие эскадру углем и продовольствием. Между броненосцами снуют буксиры, которые тащат за собой баржи и джонки с углем, мясом, зеленью, живностью, вином, консервами и всем, что заказывает эскадра.

Судя по тому, как много барж с провиантом собралось вокруг «Центуриона» и «Энди-миона», можно предполагать, что англичане страдают самым большим аппетитом, не только политическим, но и гастрономическим.

Полуодетые загорелые китайцы-кули, под командою иностранных капитанов, суетятся на баржах и живо переносят привезенный груз на корабль или длинной вереницей карабкаются

по узкому трапу и в грязных корзинках тащат каменный уголь, задыхаясь в клубах угольной пыли и возвращаясь с военного судна черными неграми.

Мы подошли к «Гремящему». Бурхановский передал командиру капитану 2-го ранга Миклашевскому адресованные ему пакеты. «Гремящий» стоял возле плавучего маяка, указывающего вход в реку Пэйхо; около нашей канонерки стояла английская «Вайтинг». Мы сели на баркас и направились к «Корейцу».

Беспокойные волны рейда мешали нам быстро двигаться. Бурхановский решил достать один из тех буксиров, которые возвращались от эскадры в Тонку. Однако на наши сигналы платком и крики никто не обращал внимания: все заняты своим делом, и никому нет дела до других.

Наконец, один буксир с капитаном-англичанином повернул в нашу сторону. Бурхановский крикнул капитану:

– Do you go to Tongku?

– Yes.

– Will you take me on board and go to the Russian man-of-war in the river?

– All right!

– How much do you want?

– 35 dollars.

– All right!

– Вы идете в Тонку?

– Да.

– Возьмите меня на борт и доставьте на русское военное судно в реке.

– Ладно.

– Сколько денег вы хотите?

– 35 долларов.

– Ладно.

Буксир принял нас, и мы пошли быстро. Эскадра пропадала из глаз.

– How is the water at the bar?

– There is no water at all. It is very bad to cross the bar. Two feet. No more.

– Какова вода на баре?

– На баре совсем нет воды. Переходить бар будет очень плохо. Не более двух футов глубины, – ответил капитан.

Показалось мутное белесоватое дно бара-отмели, которая здесь имеет не более 9 и редко 11 футов глубины при высокой воде и только 1 1/2 фута при низкой. Наш буксир раза три зацепил за песок, и мы стали.

Капитан и его китайская команда засуетились. Потасили нас в обратную сторону, дернули направо, налево, и наконец мы благополучно перелезли через бар.

Пэйхо

Перед нами устье знаменитой китайской Невы, ведущей к Небесной столице. Это Белая река – Байхэ, переименованная европейцами, не церемонящимися с китайскими названиями, – в Пэйхо.

Это – великая река Чжилийской провинции, впадающая в Чжилийский залив, также по-своему названный европейцами Печилийским, несмотря на то, что китайцы зовут и залив и прибрежную область просто Чжили³⁸.

Хотя китайцы дали своей столичной реке, льющейся на протяжении 750 ли (ли – полверсты), имя Белой, но она уже давно несет такие бурые струи охры, что ее было бы справедливее именовать Шоколадной или Кофейной.

Направо и налево тянутся низкие длинные линии фортов. Только черные точки орудий, старательно покрытых чехлами, флагштоки и деревянные грибы для часовых напоминают, что здесь скрываются батареи. Но ни часовых, ни прислуги при орудиях не видно. На фортах мертво.

Ширина реки не более 50 сажен. Расстояние между фортами около 100 сажен.

Входим в реку. Встречаются английские, американские и японские грузовики, угольщики, китайские шаланды, шампунки, военные катера. У правого берега стоят четыре новеньких китайских дистриера – истребителя миноносцев.

– Видите вы этих истребителей китайских казенных денег? – спросил капитан. – Они шесть месяцев ремонтировались в доке, только что вышли из дока и, вероятно, скоро опять вернутся в док. Это гораздо выгоднее для мандаринов. А что касается фортов, то я никогда не видел, чтобы китайцы снимали чехлы со своих пушек. Они говорят, что боятся производить учение со своими орудиями, чтобы нечаянно не попасть в какую-нибудь проходящую китайскую джонку.

Какие нелюдимые, низкие и опустившиеся берега, поднявшиеся из моря, по словам геологов! Линии горизонта воды и суши сливаются. Издали видны китайские глинобитные желто-серые домики, большие таможенные пакгаузы, склады, мастерские, китайское адмиралтейство и пристань, заваленная ящиками и тюками. Зеленый тростник и тощие ивы несколько ласкают глаз, утомленный лучами солнца, блеском неба, блеском воды и песчаной равнины, которая теряется за горизонтом. Эта пустыня несколько оживляется видом китайских могил и куч морской соли. Таково преддверье Тяньцзиня и вековой миллионной столицы.

Устье Пэйхо носит общее название Дагу по-китайски или Таку по-европейски. Восточный городок, расположенный на левом берегу реки, с пристанью и станцией Китайской Императорской железной дороги, ведущей через Тяньцзинь на Пекин, называется Дунгу или Тонку. Западный городок с заводами и мастерскими называется Сигу или Сику. От Тонку другая линия железной дороги идет вдоль Чжилийского залива на Шанхайгуань до Инкоу.

Пэйхо делает на всем своем протяжении постоянные извилины, и его перспектива пропадает среди камыша, гаоляна и китайских построек. Вырастающие над ивами и хижинами мачты джонок или труба военной лодки указывают направление этой узкой змеистой реки.

Мы проходим мимо германской канонерской лодки «Ильтис» и пристаем к «Корейцу», который стоит далеко в реке, под начальством капитана 2-го ранга Сильмана. Еще выше стоит японская лодка «Atago».

В 11 часов утра в кают-компании подали завтрак.

– Какие у вас новости? – спросил я моего соседа.

³⁸ На современных картах приняты китайские названия: Дагу, Байхэ, Бэйтан и т. п. Однако в данной книге вся топонимика оставлена в написании начала XX в.

– Все спокойно и одно и то же, – ответил ревизор «Корейца» лейтенант Деденев. – Сидим на корабле и печемся на солнце. Изнываем от скуки и жары и считаем, сколько поездов с китайскими солдатами китайцы отправляют по своей железной дороге в Тяньцзинь. С «Корейца» хорошо виден вокзал и заметно всякое движение на дороге. До сих пор я насчитал 15 поездов, битком набитых косатыми солдатами. Откуда китайцы набрали их такое множество? Путешествие их в Тяньцзинь весьма подозрительно. И все это восстание боксеров что-то на восстание не похоже. К чему китайцам понадобилось столько войск? Если войска должны драться с боксерами, то это только подольет масла в огонь. Если же они будут не против боксеров, то будут против нас... Пока что наши офицеры ездят в Тяньцзинь по железной дороге или на паровых катерах и привозят оттуда неважные вести. Сегодня был проездом командированный к адмиралу Веселаго секретарь французского консульства, который рассказал, что наши казаки уже имели дело с боксерами и один русский офицер ранен. Вчера германцы отправили одно орудие в Тяньцзинь. Сегодня американцы двинули туда еще отряд. Вечером французы посылают 100 человек. Пока что мы точно измерили дистанцию до китайских фортов и повернули наши орудия против их батарей, так что если понадобится, то наши гранаты будут ложиться точка в точку. «Кореец» и «Ильтис» стоят в тылу всех китайских фортов, которые, вероятно, тоже уже измерили дистанцию, если китайцы имеют хоть какое-нибудь представление о своих орудиях. В случае военных действий нашим канонеркам придется драться в первую голову, и китайские форты могут причинить нам много неприятностей, но зато и им не поздоровится от наших орудий. Форты будут во всяком случае взяты, какими бы крупновскими пушками они ни были вооружены. В этом не может быть ни малейшего сомнения...

Увы! форты были действительно взяты, но бедному Деденеву, погибшему вместе с Бураковым, не суждено было увидеть победу!..

В час дня с рейда пришел буксир, который привел баржу с 35 матросами и 1 офицером – мичманом Глазенапом. Они были командированы с «Дмитрия Донского» для усиления нашего десанта в Тяньцзине, вследствие обостряющегося положения дел и неожиданного столкновения казаков с боксерами. По той же причине французы посылают свой второй десант.

В пять часов вечера я простился с радушием русских моряков и покинул уголок родной земли, представляемый палубой русского военного корабля с русскими мужиками-матросами и дворянами-офицерами.

Бурхановский, Глазенап и я пересели на английский буксирный пароходик «Джем», который забрал баржу с нашим десантом в 35 человек и, пользуясь приливом, стал подниматься вверх по Пэйхо.

В зависимости от морского прилива и отлива два раза в сутки в течение шести часов вода в Пэйхо прибывает и следующие шесть часов убывает. Пользуясь высокой водой, мелкосидящие пароходы доходят до Тяньцзиня, отстоящего от Тонку по железной дороге в 40 верстах, а по реке – в 50. Мель, узкая ширина реки и постоянные повороты течения очень затрудняют сообщение по Пэйхо. Капитан буксира обещал доставить нас в Тяньцзинь к 12 часам ночи.

Чем выше мы поднимаемся по реке, тем живее картины. Берега Пэйхо – это сплошная китайская деревня и пашня. Желтые глинобитные мазанки, с глиняными или соломенными кровлями, окруженные плетнем из гаоляна или камыша, толпились над обрывом берега. Ивовые и тополевыи рожицы скрывали кумирню, о которой можно было догадаться по двум высоким мачтам, стоящим перед входом. За мазанками тянулись беспредельные поля зеленого молодого гаоляна – китайского проса, которое кормит, греет, покрывает и для китайского мужика является его первым другом и помощником в домашнем хозяйстве.

Наши моряки

В деревнях было заметно странное движение. Народ кучами собирался на берегу, о чем-то шумел, расходился и снова собирался в другой деревне. При прохождении нашего буксира и баржи, наполненной вооруженными матросами, китайцы высыпали на самый берег и внимательно следили за нами. О чем они думали? что говорили? Но боксеры уже ходили по всем деревням, мутили народ, вербовали товарищей и зажигали пожар миллионного мятежа.

Тихая теплая ночь. Мы идем очень медленно. Полчища джонок, везущих рис в Пекин, загораживают нам путь. Река мелка. Течение капризно. Нужно все время измерять глубину. Смуглый морщинистый китаец из южных провинций, с косой, обмотанной вокруг головы и спрятанной для удобства под круглую соломенную шляпу, бросает лот и без фонаря, на ощупь, благодаря своей многолетней сноровке, выкрикивает нараспев число футов, на испорченном английском языке:

– Фооти! Найти! Твэти! Твэти ту! Фоо!..

– Фоо! Фай! Сээ!.. Твэти!

Луна взобралась высоко на небо, ярко осветила баржу, белые рубашки матросов и заблестала на их штыхах. Моряки, развалясь, богатырски спали на дне лодки и не заботились о грядущем дне. Пэйхо и его берега спали. Это были его последние безмятежные ночи, накануне

всех ужасов возмущения и войны. Резкий, монотонный и сонный голос китайца, считающего глубину, не тревожит молчания тихой теплой ночи и усыпляет меня. Я не могу бороться с дремотой, забираюсь в каютку и засыпаю и еще долго сквозь сон слышу:

– Фоо! Фай! Сээ... Твэти!

Тяньцзинь

24 мая

Утро – 4 часа. Мы стоим. Винт парохода не работает. Я окончательно просыпаюсь, выбегаю на палубу и попадаю в объятия моего старого друга, храбрейшего и остроумнейшего штабс-капитана Нечволодова, начавшего военную службу в Ревеле, махнувшего, чтобы попытать счастья, в Уссурийский край, занимавшего Порт-Артур и попавшего в Тяньцзинь в распоряжение военного агента Вогака.

– Скажи, пожалуйста, где я нахожусь? – спрашиваю моего друга.

– В Тяньцзине! Полковник Вогак и я ждали десант с «Дмитрия Донского» всю ночь и приехали вас встретить.

– Могу я ехать дальше в Пекин?

– И не думай! Железная дорога уже разрушена боксерами.

Я представился полковнику Вогаку, который принял десант и приказал его проводить в приготовленный дом, а офицеров пригласил к себе.

Капитан Нечволодов

После естественных объятий и восклицаний Нечволодов с самым сияющим видом рассказывает:

– Вообрази, я уже был в настоящем сражении! На этих днях по просьбе бельгийского консула Кетельса полковник Вогак отправил меня, с поручиком Блонским и 25 казаками, разыскивать без вести пропавших бельгийских и итальянских инженеров. Мы три дня блуждали и наконец наткнулись на кучу боксеров. Мы пошли в атаку на них. Искрошили половину. Вдруг лошадь под Блонским падает, убитая наповал.

Блонский падает наземь. На него налетают боксеры и пронзают его насквозь своими копьями и мечами.

– Насквозь?

– Насквозь. Он получил 14 ран по всему телу. Казаки бросились его выручать, спасли и рассеяли боксеров. Один казак тяжело ранен, а у другого был отрублен нос, но он нашел его в

кустах, приставил, и нос теперь заживает. Мы вернулись с ранеными в Тяньцзинь. Блонский и казаки лежат во французском госпитале. Мы накануне невероятных событий!

По указанию Нечволодова я отправился в лучшую гостиницу Astor-House. Китаец джин-рикша повез в своей тележке мои вещи.

Недалеко от набережной, на углу главной улицы Виктория-род воздвигнуто великолепное трехэтажное здание гостиницы, с балконами, верандами, башней, обсаженное высокими тенистыми деревьями и цветами и обвешанное цыновками и маркизами для защиты от солнца. Три парадных лестницы. Я поднимаюсь по одной из них. Сонный бой, слуга-китаец, провожает меня в свободный номер, более дешевый, в третьем этаже – 8 долларов – 8 рублей в сутки, со столом. Номер высокий просторный, устланный ковром, с лепным потолком, мраморным умывальником, газовым освещением и широчайшей тропической постелью, на которой мог бы свободно расположиться на ночлег патриарх Иаков с 12 сыновьями.

Тропическая постель имеет тонкий матрац на сетке и газовый балдахин-москитер, который наглухо окутывает постель и только один спасает от moskitov, комаров и мух. Кто не желает иметь балдахин, тот раздевается до Адама, заворачивается в газ и в таком виде спит, будучи недоступен для назойливых насекомых и менее доступен для тропической жары.

Возле номера отдельная веранда с плетеными лонгшезами. Рядом мраморная ванная. Электрические звонки и все удобства.

8 часов утра. Молодой бой, самого корректного вида, с приятным лицом, тщательно заплетенной косой, в длинном голубом халате, неслышно входит на высоких мягких подошвах и говорит, что в гостинице первый завтрак breakfast в 8 часов утра, второй tiffin в 1 час дня, обед dinner в 8 часов вечера. Бар-буфет для напитков открыт весь день. Бутылка пива 1 доллар – 1 рубль. Бутылка шампанского 5 долларов.

Бой уходит и возвращается с завтраком: яичница с ветчиной, овсянка, порция бифштекса и чашка черного чаю.

Мой первый визит был к нашему военному агенту в Северном Китае полковнику, ныне генералу Константину Ипполитовичу Вогаку, избравшему местом своего постоянного пребывания Тяньцзинь. Военный агент Южного Китая полковник К. Н. Дессино живет в Шанхае.

Генерал Вогак и его дом в Тяньцзине

К. И. Вогак, уже 10 лет наблюдающий за военной политикой и военными успехами Китая, игравший крупную роль в китайских событиях 1900 года, родился в 1859 году, воспитывался во 2-м Кадетском корпусе и записан на мраморную доску Николаевского кавалерийского училища. Военную службу начал в 1878 году корнетом Лейб-гвардии уланского ее величества полка. Блестяще окончив в 1884 году Николаевскую академию Генерального Штаба, служил в разных округах, на разных должностях. В 1892 году Вогак назначается военным агентом в Китай, а затем и в Японию. В 1894 году, когда вспыхнула война между Китаем и Японией, был командирован русским правительством в японскую действующую армию, с которой совершил поход в Корею и Китай и присутствовал при главных сражениях. Когда был заключен мир, вернулся в Россию и в 1896 году состоял при чрезвычайном китайском посольстве Ли Хунчжана на торжествах Священного Коронования. В том же году снова вернулся в Китай и в конце 1897 году уехал на Квантун и в Японию для подготовительных работ по занятию Порт-Артура. В марте 1898 года присутствовал при высадке в Порт-Артуре и исполнял должность начальника штаба войск Квантунского полуострова, а затем был комиссаром по разграничению Квантуна. Весною 1899 года вернулся в Тяньцзинь к исполнению обязанностей военного агента.

Я беру рикшу. На востоке европейцы сокращенно называют джинрикшей, перевозящих людей в тележках, рикшами. Японцы первые завели у себя этот простой и самый дешевый промысел человеческого извоза и дали ему название. Теперь джинрикши распространяются во всех портовых городах Китая и вытесняют китайские телеги и носилки. Если в городе имеются хорошие ровные шоссе, то тележку с пассажиром тащит один рикша. В Порт-Артуре, где улицы поднимаются в гору, один рикша впрягается спереди, другой подталкивает сзади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.